

Октябрь и мы.
Патриоты
нашего
времени

Обком и студия.
Союзники или...

Школа будущего.
Какой
ей быть?

**Молодые
хозяева.**
Видеокафе

**Стихи
Владимира
Высоцкого**

**Тревожный
репортаж.**
Изгнание
из детства

Евгений Богат.
Размышления
о жизни

**Что
диктует
мода**

**Кто
заказывает
музыку**

**Братья
Стругацкие.**
Повесть-сказка

Праздник на Бежином лугу.

Фото Анатолия Жмүлюкина

СМЕНА¹³

Что социализм — это прежде всего учет и контроль, знаем мы еще со школы. Но, сталкиваясь с бесхозяйственностью в жизни, почему-то начинаем забывать школьные уроки. А ведь сказанное на заре эпохи применимо и для сегодняшнего дня: нам еще многое, очень многое нужно учитывать, да и надобность в контроле отнюдь не уменьшилась.

Что за люди работают в органах народного контроля? Могут ли они — реально, на деле — поставить заслон бесхозяйственности?

В Комитете народного контроля РСФСР предупредили: «Юного героя не обещаем, у нас молодой — это под сорок, то есть человек уже с опытом. А как же иначе? Ведь он должен быть профессионалом прежде всего. Да еще уметь ориентироваться в самых неожиданных ситуациях, а это приходит не вдруг...» С тем и отправился я в Магнитогорск.

Инспектору Магнитогорского горкома народного контроля Евгению Галкину

32 года. В его ведении — промышленность, транспорт, связь. Дело нешуточное. Профессионал ли он? Окончил техникум, работал на стройке монтажником, в армии был связистом. О том, как служил, говорит звание отличника боевой и политической подготовки.

В армии сложились черты характера Евгения, столь необходимые в сегодняшней работе, — обстоятельность и внутренняя дисциплина. На Магнитогорском металлургическом прошел путь от нагревальщика до мастера участка. Как сам рассказывает, не раз сталкивался здесь с наплевательским отношением к делу.

Но ни тогда, доказывая свою правоту в бригаде или споря с начальством, ни позже, окончив вечернее отделение горно-металлургического института, и предположить не мог, что через несколько лет придется отстаивать свою позицию уже на другом уровне.

Предложение стать инспектором городского комитета народного контроля принял сразу, хотя и понимал, что должность новая особых благ не сулит, а только хлопоты.

КАК НАУЧИТЬ СЧЕТУ?

Как быстро иной начальник разучивается считать государственные затраты и как заставить его вновь вести счет народным денежкам? Многотысячные штрафы за простой оборудования, перерасход энергии, не говоря уже о загрязнении среды, давно стали нормой для многих производств. Но стоит народным контролерам сделать денежный начет на руководителя, как положение сразу меняется.

Показателен в этом смысле пример двух аглоцехов горно-обогатительного производства, регулярно плативших немалые штрафы. И Галкину не раз и не два приходилось привлекать авторитеты, доказывать энергетикам и механикам возможность экономии электроэнергии и необходимость срочного ремонта погрузо-разгрузочных механизмов. В ответ всякий раз слышал, что ничего нельзя, просто невозможно изменить. Когда же начальники цехов получили по выговору, выложили по месячному окладу, оказалось, улучшения возможны. За неполный год в одном цехе сэкономлено более полумиллиона

киловатт-часов, а в другом сократили простой на полторы тысячи вагоно-часов.

Так что же больше, весомее: 300 тысяч из заводского бюджета или 300 рублей из собственной зарплаты? Судя по результатам, второе. А не отказаться ли вовсе от системы штрафов в пользу начетной системы? Вот вроде уж знаем, что мешает нам жить по-новому, а все не поймем, что же тогда мешает отказаться от старого. Инерция?

Ну, а что же начальники — возмущаются, оспаривают постановления КНК?

— Всякое бывало, — говорит Герман Викторович Вихров, старейший работник Магнитогорского городского комитета. — Не все, конечно, с пониманием относятся к нашей деятельности, но за двадцать лет лишь однажды наказанный человек со мной не поздоровался — так обижен был строгостью нашего решения. И то, пока не узнал, что по сумме причиненного им ущерба дело могли бы передать и в прокуратуру.

И все же, пожалуй, больше денежных начетов (до трех месячных окладов!) и даже освобождения от должности (есть у комитетов такие права) боятся нерадивые широкой огласки. В правах

ОСНОВАННИЕ

групп народного контроля записано: «Обязывать виновных выступить перед трудовыми коллективами с сообщением о принятых мерах по устранению недостатков»...

— Если бы все записанное исполнялось! — сокрушается Галкин. — А то ведь большие начальники умеют уходить от неприятного разговора: вместо производственного собрания назначают сбор партхозактива (тоже ведь коллектив). А там по принципу «нападением — лучшая защита» начинают распекают замов. И лишь в конце скромно признают и свои «недоработки». Теперь-то, при выборной системе руководства, им, хочешь не хочешь, придется сдавать отчет перед всеми: тут уж сводкой показателей не прикроешься.

ТАКАЯ РАБОТА...

Председатель Магнитогорского горкома народного контроля Владимир Дорофеевич Алеко пытался поподробнее объяснить трудности службы:

— Много ли найдется таких пекарей, чтобы выпекали, скажем, булочки и за день не съедали бы ни одной? И так ведь всюду, куда ни глянь. А вот поди поймай такого за руку...

Да, в постановлениях КНК не встретить списка награжденных — начеты, начеты... Работа народных контролеров изначально конфликтна. Инспектор одного московского районного комитета рассказывал, как иные работники торговли норовят сперва «купить» на дефицит, а если не «кдюеш», пытаются чуть ли не запугивать. Какие уж тут булочки — классовая борьба... И хоть область служебных интересов инспектора Галкина, понятно, несколько в стороне от розничной торговли, но и ему доводилось слышать это зазывное: «Кофе в зернах не хотите? Если что надо будет, заходите, звоните...»

Честность и неподкупность — слагаемые профессионализма, но прежде всего от народного контролера требуется до мельчайших тонкостей знание дела. А как же иначе, анализируя, например, причины неудач в конкретном производстве, сделать верный вывод: то ли нужно изменить технологию, то ли начальника пора менять...

Рабочий день Галкина начинается с просмотра корреспонденции. Вот телеграфный крик о помощи с листовым прокатом, без которого простаивает изготовитель сельхозжатоков. Или вот еще с завода автокранов: «Просим содействия срочной отгрузке уголка 40 на 40 на 3...»

Инспектор раскрывает толстую тетрадь, находит нужный телефон — за два с половиной года работы в комитете их у него скопилось на все случаи жизни. Звонит в отдел сбыта металлургического комбината.

— Это действительно срочно, — сказал он мне озабоченно, пока на другом конце провода наводили справки. — Да-да, слушаю...

Выяснилось, что лист уже отправил, уголок отгружают. Я, признавшись, засомневался в правдивости информации — уж очень быстро все сделано.

— А меня обмануть трудно, — улыбнулся Евгений, — ведь в каждом цехе есть пост народного контроля, всегда можно перепроверить. Чем и сильна наша организация — сотнями внешних контролеров на каждом производ-

стве. При наших-то скудных штатах — весь комитет три человека — разве успеешь всюду? Да и не выяснишь, что хотел бы, могут и «липу» подsunуть. А так у нас везде свои помощники. Горком лишь координирует работу всех этих групп, подсказывает, на что обратить особое внимание, организует рейды по сигналам с мест, определяет степень виновности должностных лиц — сами группы ведь вправе объявить лишь общественное порицание...

Ну, с этим ясно. А почему, спрашивается, телеграммы с просьбами адресованы КНК, вопросы-то к комбинату? Не может же комитет быть придатком отделов снабжения и выполнять, по сути, функции толкачей, которых начальство заставляет лететь к поставщику, неделями стоять у него над душой в надежде ускорить поставки. Когда нужен металл, его хотят получить любой ценой, а объективные причины — ими сыт не будешь и плана не сделаешь.

Здесь уточним: в городской комитет народного контроля заказчики обращаются, как правило, в пиковой ситуации, когда «парламентские» методы уже не дают результатов. Его призывают в качестве арбитра в споре какого-нибудь дальнего заводика с металлургическим гигантом: люди верят в беспристрастность комитета народного контроля и знают силу его влияния. Уж он-то если и сверху, то никак не со стороны. Он народный.

А потому картина экономической жизни ему нужна честная. Без прикрас. Сколько уже говорилось о приписках, вскрываемых повсеместно народным контролем. (И слово-то вроде безобидное, а ведь явление, им определяемое, стало чуть не национальным бедствием.) Но открываются приписки зачастую случайно. Вот, скажем, обнаружил комитет сбой ритма в поставках обуви и текстиля, начал разбираться. Попутно вдруг всплыло, что отправлено товара больше, чем было его выпущено фабрикой. Что за прича? Засели за бумагу — и тут Галкину и его коллегам пришлось поработать прямо-таки инспекторами ОБХСС. Да, так и есть, приписки. А подсказала очковитирателям счастливую идею, как выполнить план поставок минимальными затратами, сама система промышленных перевозок. Железная дорога отказывается принимать недогруженные контейнеры (есть предписание МПС, его никто не отменял). Вот и утробовываю, как только могут, в большегрузные контейнеры легковесную продукцию. А если и тогда недогруз, что ж, допишем нолик-другой. Главное, теперь все в порядке и можно наконец-то отправлять товар получателю.

Если попадутся вам помятые штифлеты, знайте, это результат принципиальности железнодорожников или, может, еще чьей-нибудь «последовательности» в исполнении буквы закона...

«ПОКА» ДЛИННОЮ В ГОД И БОЛЕЕ

В кабинет Галкина вошел улыбающийся пожилой человек. Сказал, что с улицы Доменщиков, из того самого дома девять дробь пять, от имени всего ЖСК пришел поблагодарить...

— Что, помог наш звонок?

— Сверх всяких ожиданий. Чуть ли не год нас отфутболивали, все говорили, это не к нам, ничем не можем... А тут вдруг вызвали, обещали, что в течение месяца...

— И меня заверили, как только будет кабель, тут же подключат.

— Бумагу нам дали с официальным ответом — честь по чести. Мы сперва никак понять не могли, в чем причина таких сдвигов, а уж когда прочитали: «Копия в городской КНК» — жалоба наша, значит, дошла... В общем, спасибо вам огромное.

Что и говорить, приятно, когда благодарят. Так ли уж часто помнят об этом? Впрочем, нет, вот и телеграммы с разных заводов — тоже благодарят за содействие.

Однако подождет умиляться. Посмотрим, что получится. В декабре 81-го был сдан кооперативный дом № 9/5 по улице Доменщиков. Хотя телефонный кабель почему-то не был проложен, в акте приемки значилось: «Телефонизация выполнена». Что ж, бывает. Ну, не оказалось в тот момент под руками злостного кабеля, а срок сдачи — он ведь ждать не будет. Словом, решили, что не поздно и потом проложить. Срок-то подключения в городскую сеть — первый квартал 86-го. Ну и забыли, конечно. Больше четырех лет люди жили надеждой, а тут выяснилось, что зря. Но суть даже не в том. Когда все обнаружилось, тут бы и исправить ошибку, хотя бы задним числом. Так нет: виновные стали кивать друг на друга — жилкомхоз на строителей, те — на связистов, кому же доделывать? Полгода председатель ЖСК не мог найти концов, а потом решил написать в комитет народного контроля. Дальше известно. Придется теперь прокладывать этот злополучный кабель. И будут снимать рабочих с другого объекта, хотя и там сроки...

Надо же, один звонок и — порядок: нашлись концы, нашлись исполнители. Нет проблем? Но, значит, не было и серьезных причин к неисполнению, и все — сплошной произвол некоего ответственного лица? Да за такое надо «всыпать по первое число», взыскать по всей строгости! Оказывается, и здесь есть своя тонкость, достойная сатирического пера: не может КНК наложить денежного начета на руководителя, пока потерпевшие не предъявят тому иска на материальный ущерб (моральный ущерб не в счет), а они его не предъявят, пока не получат однозначного отказа. А им ведь и не отказывают вроде, просто говорят: кабеля нет, вопрос решить пока не можем... Пока... Поистине спасибо КНК, что наконец-то сдвинул дело с мертвой точки...

СТРОЙКА ДАЕТ УРОКИ

Рейд народного контроля с участием комсомольских прожектористов, облсврофа и городской санэпидстанции назначен на вторую половину дня, время пересменки... Будущий кислородно-конвертерный цех с уникальным «станом 2000» по масштабам Магнитки — стройка века. Темпы тут фантастические. Недаром ККЦ сейчас у всех на устах. Еще недавно голая площадка в считанные дни обрастает металлическими конструкциями. Техники какой только нет! Скважины промываются под мощные буронабивные сваи, хлюпают молоты копров. Верой и правдой уже многие десятилетия служит экономике страны комбинат, но пришла пора ему обновляться, чтобы и сегодня идти в ногу с временем.

...Задача рейда скромная: проверить бытовые условия в стройгородке.

Практика строек наконец научила: нельзя повседневный труд превращать в «героическое преодоление» трудностей.

Каково положение в реальности, показал выездной секретариат Челябинского обкома партии, где анализировались болевые точки стройки, выработывалась стратегия на будущее. «Сроки переносить мы не вправе, значит, планы будем корректировать только в сторону увеличения», — сказал, выступая на бюро, первый секретарь обкома партии Н. Д. Швырев.

А у Евгения Галкина как ответственного за работу групп народного контроля на строительстве ККЦ заботы «местного значения». Народные контролеры стройки ведут оперативный учет помесячной работы всех служб. Как ни обидно, но реконструкцию сдерживают тормоза старые, как мир. Читаю в «боевом листке»: «Водители БелАЗов закончили работу в 22 вместо 24 часов». Это значит, что бригада монтажников, вышедшая в ночную смену, осталась без бетона. Водители подвели монтажников, потому что завод железобетонных изделий отказал в выдаче требуемого бетона для заливки буронабивных оснований. Получается, что на передовой — перебои с боеприпасами? Вот тут и предстоит Галкину разобраться в причинах: что здесь — недостатки планирования, а что — элементарное разгильдяйство. Обеспечить четкое взаимодействие всех смежников на строительстве — опять задача народных контролеров. Придется кое-кому из начальников служб отвечать за срыв графика. ...Заходим в вагончик, где разместились отделочницы.

— А что, девушки, подсобка у вас не отапливается, ведро с краской прямо тут держите? — интересуется Галкин. — Пожарники вас штрафанут.

— Так не успеваем же. Детей в садик отвести, в автобусах с утра битком, сами знаете. Только бегом переодеться и в восемь как штык на объекте...

Стройка ставит вопросы ребром, и решение их во многом зависит от настойчивости народного контроля. Рассказывал мне Евгений о рейде по всем городским маршрутам. Могут ли ведомственные автобусы хоть частично разгрузить общественный транспорт? Что парк машин у предприятий внушительный, факт известный, и что гоняют их зачастую порожняком — тоже знали. Но теперь комитет всеерьез взялся пробить брешь в ведомственных перегородах (перегородки такие, что без штурма их не возьмешь). Составили график, обязали хозяйства выделять свой транспорт. Насколько выполняются эти предписания, покажет повторный рейд. Практика же показывает, что в часы пик все еще напряженка.

Но раз взялись, теперь не отстанут. И в народном контроле нынче установка на конечный результат: нашел недостаток, так добейся его устранения в кратчайший срок. А прежде было как? Выявил, вскрыл, наложил взыскание — через год проверил исполнение, снял с контроля... И деятельность КНК отчасти оценивалась по количеству начетов, взысканных сумм (хорошо, хоть плана по валу не было). Сегодняшний упор на профилактику, поэтому так важна неформальная помощь цеховым группам народного контроля.

Меня поразила молниеносность одной реакции, с которой столкнулся на строительстве ККЦ. Здесь особенно заметны усилия внештатных контролеров. Рейдом было установлено, что одна из бригад в полном составе опоздала на работу на десять минут. Спустя два дня на собрании бригады обсудили сигнал и приняли решение: опоздавшим снизить коэффициент трудового участия наполовину. Сами себе, выходит, снизили. Это уже что-то новое. Обычно ведь в таких случаях пытаются оправдаться, «ищут крайнего».

...Сегодня мы все лучше, все яснее понимаем: социализм — это демократия и личная ответственность каждого.

Виктор АНТОНОВ

ПОРЯДКА

Ты бежишь за мной,
или это поет трава

Вода, которой я не заметил днем,
журчит в ночи.
Я хорошо различил ее речь
в шепоте листьев.

Ночь играет нашими чувствами.

Я шаг за шагом
прошел все поляны,
но не нашел ручья.

Иду по густой тишине
за далеким призрачным светом.

Ты бежишь за мной, или это поет трава
на тонкой свирели ветра.
Я видел, как в черной ночи
на черном коне
скачет Джеймс Дин нашей молодости.

И только волосы серебрятся в ночи.

Сейчас бы
русскую зиму

Во всем ты живешь незримо,
во всем от тебя понемногу.
Сейчас бы русскую зиму,
чтоб тройкой развеять тревогу.

Тебя узнавать нестерпимо
в улыбках на лицах прохожих.
Сейчас бы русскую зиму,
что так на тебя похожа.

Меня провожаешь взглядом,
кажется, что ты рядом.
Сейчас бы русскую зиму,
чтоб скрыла тебя снегопадом.

Валерий ВОЛОДЧЕНКО

— Здравствуй!
— Здравствуй...
— Давно не виделись,
сколько лет прошло,
сколько зим!..
Только сердце мое
меня выдавало
беспокойным стуком
своим.
Почему оно так?
И зачем оно так?
Перекрыло уличный шум.
Каблучкам твоим в такт,
и часам твоим в такт,
и словам твоим в такт:
«Спешу!..»
Ну, зачем оно так?
Ну, к чему оно так?
Ты прошла стороной,
я — прошел...
Каблучкам твоим в такт,
и часам твоим в такт,
и словам:
— Как живешь?
— Хорошо!

Что-то кончено,
что-то начато.
Не проси ты:
«На пару слов...»
Я себя отрываю
начисто
от всего,
что былшем поросло.
И готовишься к
худшему,
к лучшему ль,
но себя успокоишь как?
Отрываешь от солнца
по лучику,
а все солнце —
ромашкой в руках...
И все счастье
в руках,
и все горе.
Все забыто —
что до сих пор.
То ли сладок он,
то ли горек
этот призрачный
приговор?

Владислав ШОШИН

Я ухожу в далекий край
Сквозь ветер и пургу,
Но я вернусь, ты так и знай,
Ты жди на Берегу.
Уйдет далеко парус мой,
Но в солнце и в снегу
Меня и летом, и зимой
Ты жди на Берегу.
Апрель раскинет новый цвет
На праздничном лугу,
Но ты не верь, что счастья нет,
Ты жди на Берегу.
Одну тебя навек любя,
Я у тебя в долгу.

Я помнить буду лишь тебя,
Ты жди на Берегу.
Где б ни был я, издадека
Увидеть я смогу,
Как ты сидишь у огонька,
Ты жди на Берегу.
Лелея память наших встреч,
Я сердцем не солгу,
Твой буду я покой беречь,
Ты жди на Берегу.
Лишь раз приходит в мир весна
Сквозь ветер и пургу,
Ты у меня одна — одна!
Ты жди на Берегу.

Твой далекий голос

Твой далекий голос
пахнет твоей кожей.

Моя ушная ракушка
хватает жемчужины слов.

Потом закрывает створки
и ищет дорогу к морю.

Чтобы укрыться подальше
и сохранить слова.

Что станет с моим телом,
связанным с ней неразрывно?

Что станет с моей рукою,
которой к тебе прикоснуться
так нужно один только раз.

Еще раз.

Утро вошло в комнату

Утро вошло в комнату
твоими шагами,
открыло балконную дверь,
село на стул,
заплакало.

Сквозь сон я даже видел
руки, закрывшие лицо.

И мог к ним прикоснуться.

Я вышел на балкон.

Никого.

Лишь запах сентября.

Перевела с сербохорватского
Ирина ЧИВИЛИХИНА.

Закончена публикация романа Владимира Дудинцева «Белые одежды». Почти тридцать лет отдал автор работе над этой книгой. Время действия романа «Белые одежды» — пятидесятые годы, главные герои — прогрессивные советские ученые-генетики, ведущие борьбу с бюрократами и приспособленцами от науки, которых впоследствии стали называть лысенковцами — по имени их руководителя псевдоученого Т. Д. Лысенко. Читатели с интересом приняли роман, о нем спорят критики, готовятся инсценировки в театрах. Глубокий реализм, острая социальная интонация, дух борьбы, которая разворачивается на его страницах, во многом созвучны сегодняшнему времени — времени перемен. И наша беседа с писателем — о движущей силе перемен, о неизбежных тормозящих моментах, о тех уроках, которые мы должны извлечь из прошлого.

Владимир Дмитриевич, как бы вы сами определили главную тему романа «Белые одежды»?

— С некоторых времен у нас темой стали называть почему-то не тему, а материал и фон. Говорят: рабочая тема, крестьянская тема, военная тема и т. д. А я бы сказал, что нет ни шахтерской темы, ни рабочей, ни крестьянской, ни военной. Тема — это понятие нравственное, этическое. Есть в нашей жизни две силы: добро и зло. Тема может быть образована из этих двух понятий: борьба добра со злом, вооруженность добра против зла...

Вот это можно назвать темой. Если мы рассмотрим настоящие произведения литературы, то увидим: в них обязательно есть тема этического порядка, и эта истинная тема использует то, что у нас привычно называют темой — материал и фон, — в качестве плацдарма для своего проявления. И в моем романе тема — вовсе не генетика, не биология, а тема вооруженности добра. Главная мысль моего романа: хватит добру капитулировать перед злом, уступить ему, пора изучить все повадки зла и взять себе его оружие. Одновременно я разрабатываю такой этический вопрос: а имеет ли право добро перенимать все оружие, которым пользуется зло? И отвечаю положительно.

— Звучит это, прямо скажем, по меньшей мере непривычно. Не произойдет ли так, что, перенеся оружие зла, добро станет похожим на зло, а в итоге само превратится в зло?

— Уверен, нет! И вот вам пример. Война. Одно государство нападает на другое. То, которое защищается, ведет справедливую войну, оно отстаивает свою независимость. Если зло с автоматом, то и добро должно взять автомат, иначе ему не победить.

Эту мысль я облек в романе в математическую формулу: член уравнения, перенесенный на другую сторону, меняет знак; поэтому все оружие, которым пользуется зло, приобретает совсем иное значение, когда оно переходит в арсенал добра и когда добро начинает им пользоваться, чтобы окоротить зло и загнать его в какую-то безобидную уже для народов нору и навести в мире наконец-то порядок. Вот что у меня в романе является подлинной темой.

— Плацдармом для разработки этой темы вы выбрали науку. С чем это связано? Как возник именно научный посыл?

— Уже на сто лет назад ушло то время, когда писатели, работая над своими романами, использовали ограниченный материал, представляемый дворянской усадьбой: дуэли, встречи в аллеях, за чайным столом, интриги на балу, визиты по утрам и т. д. Ныне же в руках у писателей материал гораздо более обширный, потому что у нас теперь на страницы романов вышел человеческий труд.

Итак, тему избрал; нужно находить, где она получит свою жизнь. Тут мне помогло общение с биологами во время моей журналистской работы. Лет двадцать назад в «Комсомольской правде» я напечатал большую статью о генетике Нине Александровне Лебедевой, о том, как она боролась с лысенковцами. Между прочим, вот откуда пришел в книгу и нравственный толчок! Ведь Лебедева боролась с лысенковцами, надев шапку-невидимку: взяла у зла его оружие и повернула против него же. Член уравнения перенесла в другую сторону и изменила знак, назвалась лысенковкой. И даже диссертацию как лысенковка защищала. Но у себя дома она находилась в глубоком научном под-

ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ СМЕЛЬИМ

полье и, завесив окна, вела свои опыты из области классической генетики, где и сделала свои выдающиеся открытия.

Я основательно изучил начатки того материала. Он и стал у меня основным фоном романа. Множество сердец, все ученые, устремились тогда на ту статью в «Комсомолке», и мне только оставалось укреплять знакомства и реализовать беседы, в которых мои собеседники рвались выложиться, рассказать, что наболело. Все это потом вошло в книгу.

— **А помогла ли чем-то тогдашняя статья в «Комсомолке» самой Лебедевой?**

— Очень помогла! Статью я строил так, чтобы на ее основании можно было принимать конкретные меры. Во-первых, я доказал, что нашими учеными — не лысенковцами — выведены замечательные сорта картофеля, но путь его к потребителю умышленно задерживают. Это все возымело действие. Нина Александровна значительно продвинулась вперед; после той статьи была проведена большая ревизия в институте, о котором шла речь, и лысенковцы, задерживавшие работу Лебедевой, получили по заслугам.

Биологи, которые еще находились под прессом лысенковцев, приняли меня в свой круг. Им были нужны помощь и сочувствие. Причем ученые разного ранга, вплоть до академиков. Это были люди высококвалифицированные, настоящие хранители традиций интеллигентности. Они не смирились со своим положением, как могли, боролись и борьбу свою довольно хорошо документировали, писали мемуары, снимали фотокопии с официальных писем. Все эти архивы перешли ко мне, я получил от новых друзей и личные, очень богатые пояснения.

— **Надо полагать, насколько обрадовала ваша статья в «Комсомолке» одних, настолько же она настроила против вас других — псевдоученых из лагеря лысенковцев. И уж, конечно, они не бросились к вам с распахнутыми сердцами. Как удалось вам так тщательно изучить этот контингент, чтобы описать с мельчайшими подробностями? Лысенковцы ведь наверняка не напрашивались к вам на исповедальные беседы. И еще. В одной из рецензий на ваш роман критик В. Шапошников укоряет вас в том, что лысенковцев вы изобразили, на его взгляд, недостоверно — на грани карикатуры. Как же было на самом деле — вы следовали правилу Достоевского, который говорил: «Для того, чтобы правда стала убедительнее, надо прибавить к ней хоть каплю вымысла», — и воспользовались приемом гротеска при написании портретов лысенковцев, или же характеры их были в действительности настолько карикатурны, что у кого-то из нынешних читателей вызывают недоверие?**

— Я их очень мягко описал! Не забывайте, что это были псевдоученые, они только изображали из себя ученых. А какие перепалки они устраивали на ученых советах — это надо было слышать!.. Я понимаю, людям нынешнего поколения это трудно представить, но у меня даже и в мыслях не было добавлять им каких-то «достоинств» — собственных хватало с лихвой. И, кстати, не надо думать, что лысенковцы перевелись на корню. Их и сейчас еще сколько угодно...

Лысенковцы бдительно охраняли свои позиции, поэтому к ним нужно было прокрадываться по методу троянского коня. У Трофима Денисовича Лысенко в институте — такое черное здание на Ленинском проспекте — еженедельно проводились научные кон-

ференции, которые вели сам Лысенко и его правая рука — Презент. Мне туда удалось пробраться, и на нескольких таких собраниях я присутствовал и, изучив всю эту кухню, вынес твердое убеждение: они, лысенковцы, сами знали, что не правы.

— **Что же, по вашему мнению, побуждало их, знающих о собственной неправоте, фанатично гнуть свою линию? На что же они надеялись?**

— А побуждало, вероятно, вот что. Подобные явления, примеры мы можем наблюдать, кстати, не только в науке, но и в искусстве, в литературе. Одаренный человек, поэт, прозаик ли, ученый, которого, как говорится, сам бог перстом в лоб тронул, всегда беспечен, весел, радостен и не может быть иным, потому что он все время видит истину. Явления, которые ему открываются, его радуют, душа его прыгает в восторг оттого, что сделаны такие открытия. И он совершенно не думает о какой-нибудь защите, о сокрытии своих дел. Только когда на него начинают сильно давить угрюмые люди, тогда приходится ему задуматься.

Но если тебе не повезло, мать-природа перстом не тронула в лоб, то никакие видения тебя не будут посещать, и твой путь в науке совсем другой. Ты не сделал открытия, тебе не засияло видение чудесное, твой день пасмурен — осенний, грустный день. Но сквозь этот день ты видишь, как живут ненавидящие тебе одаренные люди. Как он, одаренный, пальчиком шевельнет — и птица счастья садится ему прямо на руку! И главное, дурак, не понимает вкуса побед, не копит, а раздает все свое богатство бесчисленной своей родне, знакомым и сам не насыщается. А вот мне, говорит человек с пасмурным взором, мне бы так хотелось, я бы так охотно взрвал все плоды эти и ассимилировал как надо. Но вот ничего нет!..

Я часто задумываюсь о том, что человеческий мыслительный аппарат имеет вот такие особенности: в черепной коробке заключены мыслительные агрегаты, и обязательно парами — по две адекватные пары. Так, например, есть мышление потребительское и есть творческое, производящее. Одно мышление озачеено: что бы такое новое произвести? И его обуревают вдохновения, связанные с созиданием, сам процесс созидания является источником особого — творческого — волнения. А мышление потребительское как бы антоним творческому. Противоположность. Производство, созидание его совершенно не интересует, оно не специализировано на этом, оно специализировано на освоении наслаждений различного типа. Например, наслаждения от потребления всяческих материальных вещей. А кроме того, есть наслаждение от потребления угодливости, услуг людей, их рабского преклонения. Я в романе привожу пример с пчелами: они кормят свою матку особым молочком (сами же его не едят), и она вырастает огромная, с палец. Так же точно есть люди, которые потребляют молочко унижения других людей.

Как только у меня эта мысль родилась, я сразу стал замечать проявления потребительского мышления. Сколько у нас грубости и угодничества! Сколько вещей несет дополнительную нагрузку — поддерживать престиж хозяина! Это проявляется и в одежде: вот идет некто важный, в лыжиковой шапке, у него точно мышление потребительское.

Я заметил, что мышление потребительское и созидющее, существуя рядом, никогда не бывают одина-

ково развиты, одно из них обязательно развито больше, другое — недоразвито. Творец никогда не поступает своим временем, чтобы победить пообедать, он все делает бегом, ест на ходу. И во время еды ум его занят воспоминаниями о неоконченном труде, он наслаждается той формулой, которую начал выводить, но еще не закончил. Он ест, пьет, глотает и все время продолжает свою формулу выводить! А человек потребительского мышления, тот, наоборот: все его время занято теми страшными химерами, которые создает его алчущий мозг, он думает о том, где и что можно купить, через кого и т. д. И тут тоже очень сложная идет работа...

И вот мы подходим к тому, почему лысенковцы, зная, что не правы, продолжали упрямо вести свою линию. Ведь им предьявляли неоспоримые доказательства, а они словно не видели. Почему?

Пример. Семья: папа с мамой — кандидаты наук, а у сыночка — потребительское мышление. Так уж сложились его мозги: как получить побольше? Папа с мамой ученые, получают много, а кто буду я, думает он. Быстро промотаю их накопления, кроме того, у меня два брата, и с ними придется делиться, а нужно то, да другое, да третье, брюки, чтобы на них было много карманов, куртка, машина, масса дорогой чепухи — кольца, перстень...

Кстати, меня просто потрясают перстни на руках молодых людей! Я первый в своей жизни перстень на мужской руке увидел в войну — у убитого немца. До этого в Советском Союзе на руках спортсменов, с которыми я занимался академической греблей, никогда перстней не видел. И у студентов не видел. У них руки были в садинах от спорта, это были мускулистые, простые ребята, несмотря на то, что они были интеллигенты. Спустя какое-то время после войны я стал замечать перстни на руках иностранцев, а потом вдруг с ужасом увидел их и на руках наших ребят.

Сегодня перстень на мужской руке — безошибочный знак принадлежности к разряду потребительски мыслящих. Знак отсталости.

Их много, таких знаков. Помню, например, в сороковые — пятидесятые годы было у молодых ребят модно ходить, заложив руки за спину. Как будто его ведут под конвоем. Как будто он вышел из воров и приобрел такую привычку в лагерях. И слова соответствующие знает. Это тоже своеобразное «молочко» — приносящий удовлетворение способ унижить тех, кто не умеет так ходить, кто и в столовой за едой что-то пишет.

— **Итак, сынок, о котором мы начали говорить, становится, скажем, генетиком...**

— Он понимает, что ученым платят больше, а за степень — еще больше. Какие простые агрегаты мысли! Те, кто устанавливал большую плату за степень, естественно, действовали по социалистическому принципу: за более качественный труд — более высокая оплата. Вот ведь как рождалась оплата для кандидатов и докторов. Но в умах потребительских она искажилась и приняла неожиданную уродливую форму. Степень стали рассматривать как путь не к открытию, а к легкому насыщению потребительских вожделений. И вот эти люди «идут» в кандидаты, в доктора, а таланта-то, творческого ума нет, видения чудесные не посещают! Значит, приходится что делать? Притворяться ученым. Притворство — великое дело! Вспомните притворство, скажем, жука, которого пальцем тронуть, он перевернется — и мертвый! Точно такой же процесс, когда человек притворяется мыслителем!

Как это происходит? Он делает умный вид, мжурится, запоминает какие-то цитаты, которые можно вовремя ввернуть и выдать за образованность, он ищет позу, нахохливается, он важный, вальяжный...

И вот они, притворщики, собрались в 48-м году вместе, и им удалось ошелмовать классическую генетику, они даже Сталина сумели провести и стали пользоваться его твердой рукой для пополнения своих рядов сильными людьми, которые могли быть им полезными. Иным из тех людей, которые были недалеко от Сталина, они стали присваивать ученые степени — биологических наук. А тем это было очень нужно. Их работа может не понравиться, завтра, смотришь, их выгонят с хорошего места, а они перейдут улицу — и в институте! И уже доктора наук!..

И вот когда такие люди — псевдоученые или псевдохудожники — собираются вместе, им надо о чем-то разговаривать, создавая видимость.

— **Они всегда держатся вместе, поддерживают друг друга, хвалят друг друга...**

— Да, и еще как! И они (в нашем примере — генетики лысенковского направления) всегда говорили о всяких чудесах в природе, о порождении василька рожью, о перелетке пшеницы, и тот, кто лучше, талантливее совет, чем больше он похож на ученого, тем охотнее ему присуждалась степень и обеспечивалось надлежащее продвижение.

А в руководящих инстанциях порой ничего не понимали в этом деле, и такие инстанции легко было обмануть. Сделаешь ученый вид, покажешь приборы, в колбах жидкости разноцветные переливаются, и человек качает головой: вот это настоящая наука!

Вот так собрания устраивали, обсуждали свои вопросы. А уж классическую генетику ругали! Каждый считал своим долгом высказаться по адресу «вейсма-

нистов-морганистов"... А я там сидел и внимательно их изучал. И чувствовал, что они не правы!

Там, где подлинные ученые собираются, такое невозможно: там сидят умные люди, способные уловить высказываемую одаренным человеком новую мысль и восхититься ею. Высоко нравственные люди. Прочитав замечательные слова Ренана: нравственная ценность человека пропорциональна его способности удивляться достоинствам других.

— Владимир Дмитриевич, давайте перенесемся в наше время. Как вы считаете, те, кто ратовал за переброску северных рек, они из такой же компании? Ведь они тоже наверняка понимали, что делают не то дело, неправильное, вредное. И, может быть, как и лысенковцы, так и они уже не хотели, да и не могли остановиться, потому что набрали колоссальную инерцию, сделали мощный замах, дали обещания, рекламу и отступать уже было некуда, поздно...

— Я глубоко убежден, что именно так и есть. Идет ли речь о повороте рек, о генетической ли инженерии в пробирке, связано ли это с малыми затратами и риском гибели всего-навсего одной пробирки, или это связано с возможной гибелью целого региона в стране — везде должен действовать и не может быть отменен закон необходимости обоснования предлагаемого дела и затрат. Обоснования и глубокого понимания всех последствий. Я уверен, что сама идея поворота северных рек родилась точно так же, как идея Лысенко по переделке пшеницы. То есть толчком был какой-то лозунг типа «В течение двух лет накормить всю страну, засыпать отборным зерном! Залить в течение трех лет всю страну молоком!».

И поворот рек — из серии таких же идей. Вроде больших скачков, которые в свое время провозглашались в Китае. С одной стороны, глупые, не тронутые божьим перстом лбы, с другой — одержимые кликушеским вдохновением, вульгарные утописты. И утопия их тоже происходит от затора неграмотности: шапками закидаем! Это ужасная вещь! Мне кажется, это одна из наших исторических издержек. Мы только сейчас подходим к началу искоренения этих издержек. А ведь долгие годы мы существовали под знаком новых дерзких, необоснованных утопий. И коммунизм-то будет через 15 лет, и люди нынешнего поколения будут жить при коммунизме, и королева полей — кукуруза...

«Простой народ...» Никуда не денешься от этого термина. Люди, одаренные в способностях к учебе, невольно становятся мудрецами, в какой бы семье ни родились! Посредственность останется посредственностью, глупец — глупцом, и процент глупых наша наука еще не сумела снизить среди рождающихся.

И ведь этот «простой люд» — те, кто недостаточно разумен, очень амбициозны. Если наступит вам в трамвае на ногу, — ни за что не извинитесь! Вот тут мы опять наблюдаем парные «агрегаты» в мозгу: с одной стороны, способности равны нулю, а с другой — амбиции, гордость чрезвычайно развиты. Такой человек смотрит на интеллигентных людей, и его бесит то, что им уделяется какое-то особое внимание. Но ведь ты и сам можешь таким стать, тебе никто не мешает.

Если человек ловок и хочет эксплуатировать это свойство «простого люда», хочет удержаться наверху, то должен бросать соответствующие лозунги типа «Догнать и перегнать Америку в три года, даешь рекорд!».

И многие верили этим обещаниям. Помню, даже имена давали детям, если двойня: Догнат и Перегнат.

И вот из числа этих лозунгов, эксплуатирующих доверие и самолюбие простого народа, — переброска северных рек. Еще были дискуссии, а уже рытье началось. Вот это меня больше всего и беспокоило. Значит, к этому проекту приложены руки людей со спекулятивным, потребительским мышлением. Авантюристы рассчитывают: будем рыть, будем выполнять программу, план, успеем получить все, что нам надо, сработает хозяйственный автоматизм. А статистика к тому же показывает, что за ошибки в таких делах наказывают не больно. Точно так же мыслит и вор: крадет и закапывает наворованное. Отсиджу срок, а потом выкопаю и буду до конца дней богатым. Тут наверняка были такого типа расчеты. Это, конечно, преступление.

Проект остановили. Но почему — поскольку уже понесены большие затраты — не возмужден народный иск против тех, кто начал все это? Почему не поручено компетентнейшей экспертизе изучить вопрос от начала до конца? Это нужно не только для того, чтобы наказать виновных, но и для того, чтобы на всю страну твердым голосом было сказано: подобные авантюры будут всегда наказуемы! И на основании материалов дела, на мой взгляд, следовало бы даже издать закон о наказуемости всевозможных авантур, влекущих за собой серьезные потери для государства.

— Владимир Дмитриевич, а каким образом, на ваш взгляд, складываются взаимоотношения у лысенковцев, знающих, что они не правы, со своим внутренним «я», с совестью? Человек обманывает окружающих, он имитатор, но как ему удается обманывать и себя? Или он просто не думает об этом? Старается не думать?

— В комплекс творческого мышления входит и полет мысли, мечта о будущем: человек соединяет свою деятельность с судьбой общества, поэтому когда он

что-то делает, то чувствует, что это и его будущее. У человека потребительского мышления, в данном случае у лысенковца, все проще, он не мечтает так, его мечты в плане потребительском: получу степень, потом вторую, а там... Вот этому академику восьмидесять лет, он скоро покинет свое кресло, а кого, кроме меня, будут рекомендовать на его место? Я должен готовить себя к этому моменту уже сейчас! Я вот так-то себя проявлю, поверну реки вспять или сделаю пшеницу в два года! Как раз будет заседание по поводу кресла, а я за десять дней до этого выступлю в печати с большими обещаниями. Меня и назначат!

По-моему, примерно так идет «общение» с самим собой. Такую структуру мечтаний мы наблюдаем очень часто. Это какие-то совсем другие существа, а ведь голова имеет ту же форму и то же самое симметричное строение мозга, значит, какие-то участки гипертрофированы, а какие-то недоразвиты.

— В то время, когда вы начинали работу над романом, лысенковцы имели большую официальную поддержку, на что же вы рассчитывали? Ведь, насколько известно, за первый ваш роман, «Не хлебом единым», в 1956—1957 годах вам досталось... Что такое, по-вашему, гражданское мужество?

— Во время работы и над тем, и над новым романом я не чувствовал того, что должен был бы чувствовать мужественный человек. Я не ощущал опасности. Если бы опасность была четко выражена, естественно, я бы боялся, трепетал, должен был бы чем-то жертвовать. Но это было бы уже с моей стороны не мужество, а, наверное, смелость, дерзость. Под мужеством же, видимо, надо понимать нечто охватывающее сумму обстоятельств и личных качеств, то есть достойное мужчины осмысленное отношение к окружающему и предстоящему и желательное без жертв.

Все-таки пример «чистого» мужества у меня есть. После того как «Новый мир» (еще старый) расторг со мною договор на роман «Белые одежды», я несколько повесил нос, потому что узнал: роман показывали в некоей обязательной инстанции, и там он был встречен без восторга. Мягко говоря. И вот в минуту специфического уныния, хорошо знакомого тем писателям, чьи произведения отвергают, раздается телефонный звонок. Оказывается, ко мне приехал из Ленинграда главный редактор журнала «Нева» Борис Николаевич Никольский. Он с членами редколлегии читал роман, и было решено его напечатать. Даже зная о расторжении договора «Новым миром», «Нева» запустила роман в производство, и тут-то начались месяцы «стояния» главного редактора на своем. Если вы откроете последнюю страницу первого номера «Невы» за этот год, найдете такой текст: «Сдано в набор 29 сентября. Подписано к печати 31 декабря». Весь этот трехмесячный промежуток главный редактор и редколлегия отстаивали свою точку зрения, а типографский процесс шел своим чередом! Самостоятельность редактора была делом еще новым, а настойчивость запретиелей казалась делом старым, обкатанным, верным. Тут я вочию увидел яичку нашей жизни, куда заглянул луч перемен. И понял, что без мужества единиц, берущих на себя первый риск, нам не обойтись.

Попался я в пятьдесят седьмом году в руки противников романа «Не хлебом единым». Все было. И в Союзе писателей проработывали, и даже моим детям в школе читали нотации. Но страха я не чувствовал. И мужества не почувствовал — «не успел». Было любопытство к происходящему, удивление. Может, потому, что к тому времени уже перестали сносить головы, не объявляли врагом народа. А ведь Сталин на долгие годы засорил мозги и чувства народа страхом перед крутыми мерами, которые он практиковал. Это полезно было бы знать тем мальчикам из шоферов, которые наклеивают его портрет на стекло своих машин, и тем дурачкам, которые по дороге из Москвы на Кавказ носят по вагонам фотографии «вождя». Он все-таки страшный ущерб нанес стране...

— Владимир Дмитриевич, вы сказали, что и в наше время не перевелись лысенковцы. Не обязательно в науке, в какой угодно сфере жизни — в литературе, искусстве, в хозяйственных организациях, в комсомольских, в партийных. Ущерб, который они наносят, трудно подсчитать. Ведь исчисляется он не только в рублях, но и в уничтоженных лесах, деревнях, пущенных под воду, в забугленных идеях, в потере у кого-то веры в справедливость... Ваше мнение: неужели как явление лысенковщина неуничтожима?

— Думаю, не уничтожить, а значительно уменьшить можно. Путем развития того, о чем мы сейчас заговорили: демократии и гласности. А ведь у нас они были, были! Не надо забывать: не где-нибудь, а у нас были декабристы, петрашевцы, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Некрасов, народники. У нас Засулич стреляла в Трепова, и ее потом суд оправдал, студенты уносили ее на руках из зала суда! Оглянитесь на наше прошлое, у нас великое революционное прошлое!

Молодые люди из университетов отказывались от тех благ, которые им предлагала табель о рангах, и шли в народ. Чтобы пробудить в нем сознание, научить, уничтожить остатки крепостного мышления. Чтобы ту женщину-рабыню, что на картине Перова

кормит грудью барских щенков, поднять до идеального уровня, который эти интеллигентные молодые люди еще только создавали в своем воображении. Это привело к революции. Рабочие и крестьяне научились мыслить, но не во всей полноте. Интеллигенция следовало бы после революции продолжать образовывать народ. Ленин это понимал, конечно. Сталин же уничтожил интеллигенцию, носителя идей... Не успела интеллигенция поработать над сознанием народа до конца. За все это мы расплачиваемся. Вот она, расплата, — и лысенковщина, и поворот рек...

Дорога открыта всем: пожалуйте, растите в своих семьях интеллигентов, сколько хотите! Но нужно производить настоящих интеллигентов! Для этого надо расстаться с амбициозностью и потребительским мышлением. Нужен серьезный внутренний переворот, который дается университетским высоким образованием под руководством настоящих профессоров, а не таких, которые сами носят черты недостаточной интеллигентности.

— Владимир Дмитриевич, «Смена» — журнал молодежный. Поэтому последний вопрос, касающийся подрастающего поколения. Много упреков звучит сейчас в адрес молодежи. И упреков справедливых. Кто-то из молодых гремит цепями, панкует, кто-то даже отмечает день рождения Гитлера, кто-то ничего не хочет делать — только отдыхать. Откуда все это? Что мы упустили, когда?

— Отцы во всем виноваты, отцы.

В романе «Белые одежды» говорится о пионере, который увидел, сидя за партой, плакат. Там было написано: мальчик нацарапал свое имя — «Толя» — на парте, а его товарищ встал и на него доносит. И лозунг: «Пионер всегда говорит правду, он дорожит честью своего отряда!» Этот плакат — в жизни, не в романе — мне принесла из школы дочь семиклассница. Она, зная мои взгляды на такие вещи, радически сорвала его со стены и принесла. О чем это говорит? Во-первых, не нужно думать, что дети этого возраста еще глупенькие. Они все отлично понимают, могут сформировать в своих головках взрослые мысли! И формируют! Но если бы в семье не было такой обстановки, как у меня, а была бы такая, какая бывает у иных бюрократов, то дочь не понесла бы этот плакат мне, а самостоятельно «работала» бы над ним со своими друзьями: «Как тебе, Вася, нравится это произведение? Ведь призывают ябедничать, доносить! 125 тысяч тираж, художник рисовал, редактор есть. Павлик Морозов сзади нарисован!» Дети самостоятельно изучают такие вещи, дают им убийственную, безошибочную оценку. А тут еще классный руководитель, проходя мимо, слышит их разговор и, конечно, хорошенько прорабатывает их за дерзкие слова. Они начинают проникаться чувством протеста, который у молодых, естественно, ярче, чем у старых. У них появляется интерес к конспирации. Они становятся замкнутыми. Через этих деток мы получаем возмездие. Получили через Лысенко, через поворот сибирских рек и теперь получаем через наших, не верящих нам деток.

Это просто удивительно, что так неуклонно, несмотря на нашу формальную пропаганду, действует принцип: мне — отменяю, и аз воздам. Как он четко и неуклонно действует! Ни у кого из ученых, работающих честно, ни у генетиков, которые страдали от лысенковцев, ни у художников, которых били за картины, не совсем понятные, ни у писателей, битых за якобы очерняющие действительность произведения, не вырастают плохие дети! Поэта Яшина в свое время били за «Рычаги», но я видел его прекрасных детей.

— У кого же тогда вырастают плохие дети?

— У того, где в семье царит ложь. Причем она может быть и в том, что родители поддерживают официальную ложь, которая им, мало думающим родителям, даже и ложью не кажется. А у детей мышление чище, нравственное, они еще не испорчены, они эту ложь сразу «усекли», оценили и уже смотрят на своих родителей с прищуром. Происходит духовный разрыв, и сын остается, как щепка в бушующем океане, без руля и ветрил. Вот тогда-то и появляются уродливые порождения их детского, незрелого протеста.

...Сейчас много слов произносится о перестройке, но как никогда нужно больше не слов, а дел. Перемены ободряют, радуют.

Чтобы новое победило, чтобы старое не высывало голову, мы должны все старые формы поломать до конца. Зачем, скажем, нужны мальчики с барабанным боем на съездах, с декламацией наскоро испеченных, посредственных стихов?... Все это из того, прошлого времени...

Я вот говорю сейчас о ломке форм «левые» фразы. Легко говорить, но ведь как их поломаешь, старые формы? Ломать-то должны компетентные люди, мужественные интеллигенты, они должны начинать с исходного рубежа, где бы им была дана свобода. Да, еще предстоят годы борьбы. Перемены — процесс медленный, и здесь нужна тактика, выверенная стратегия, ум незаурядных руководителей.

Беседу вел Юрий РАГОЗИН.

Фото Сергея Ветрова

ШКОЛА

ЖЖЖ

Фото Сергея Ветрова

ВЕКА

Валентин СТЕПАНОВ,
доктор архитектуры,
профессор, заведующий
отделом школ
и внешкольных учреждений
ЦНИИЭП учебных зданий

— Валентин Иванович, школа — точнее, школьное здание — многие годы почти не меняется. Усовершенствования, конечно, были — например, стал обязательным спортзал. Но в принципе конструкция остается прежней: классы, коридоры, актовый зал... Можно ли придумать что-то совершенно новое? Да и нужно ли? Ваш проект школы будущего красив, эффектен. Но прежде чем говорить о нем, хотелось бы понять: что вас не устраивает в архитектуре современного школьного здания, что побудило кардинальным образом менять его облик?

— Всем известно, как выглядит снаружи и внутри современное школьное здание. Если представить схематично, оно крайне примитивно: «ящики»-классы, бесконечные коридоры и коридорчики. Уныло, убого. У ученика, шесть часов просидевшего в прямоугольной коробке, появляется естественное желание поскорее уйти из нее. Школа как центр воспитания не может в полном объеме выполнять этой важнейшей функции уже потому, что своей архитектурой отталкивает подростка. Помните, еще Ушинский говорил, что окружение имеет колоссальное значение для воспитания. А если окружение до обидного однообразно? Основная идея нашего проекта, а мы разрабатывали его вме-

сте с молодым архитектором Альбертом Батановым, — создать такую модель школы, где были бы все условия для гармоничного развития личности.

— **Что представляет собой архитектурная модель школы будущего?**

— Она имеет принципиально новую педагогическую структуру здания, основанную на максимальном синтезе учебного и воспитательного процессов. Архитектурное решение основано на сферах деятельности учащихся. Проще говоря, школа состоит из секторов: «Техника», «Природа», «Общественное», «Искусство», «Спорт» и сектор для младших детей. Каждый сектор — это комплекс помещений, оснащенных так, чтобы дать школьникам исчерпывающую информацию об окружающем мире, подготовить теоретически, связать теорию с практическими работами и предоставить возможность заниматься творчеством. В каждом секторе будут музеи, библиотека, лекторий, учебные кабинеты, лаборатории и мастерские, кружковые комнаты. Например, сектор «Искусство» содержит студии и кружки по изобразительному искусству, архитектуре, скульптуре, музыке, хореографии, музей, школьный театр и так далее. Сектор «Спорт» — это бассейн, система спортзалов с трансформирующимся интерьером, дающим возможность создать легкоатлетический манеж. Сверху он перекрыт прозрачной оболочкой. Кольцевое построение с центральным многофункциональным рекреационным пространством позволяет органически связать здание с внешней природной средой при относительно компактных размерах. Кстати, уголки живой природы предусмотрены и внутри школы.

Интерьер школы «подвижен» — его можно будет при необходимости изменять. Но архитектурное решение — только часть общего замысла. Мы предлагаем также ввести в школе будущего новые формы обучения и воспитания. Нынешняя классная система создана триста лет назад чешским педагогом Яном Каменским и с тех пор не претерпела существенных изменений. Нам кажется, что при всевозрастающем потоке информации требуются несколько иные методы. Формы обучения видятся такими: для младшего возраста — игровые, а для среднего и старшего — по системе «ученик — группа — класс — поток».

— **Последнее требует расширения...**

— Ну, индивидуальная работа ученика — тут все ясно. А группа — это 6—8 человек, каждый ученик — лидер по одному из предметов, в котором он наиболее преуспел. Иначе говоря, класс состоит из активно действующих неформальных групп, где постоянно идет взаимное обогащение новыми знаниями, опытом. Это, видимо, наиболее плодотворная форма — когда каждый ученик попеременно является как бы ведущим или ведомым и никто не остается в роли пассивного слушателя. Классы же будут собираться в потоки, на лекции — знакомиться с перспективными идеями, направлениями в науке, искусстве, производстве. Здесь смогут выступать и университетские преподаватели, профессора, ученые, производственники. Но, чтобы реализовать задуманное, как раз и требуется принципиально новая модель школьного здания. Наша цель: органически переплести все направления обучения — техническое, гуманитарное, естественнонаучное. Плюс спорт и искусство. И глубокая профорентация по всем линиям. К моменту окончания школы каждый ученик должен пройти через все сферы деятельности человека и четко определить свое будущее. На наш взгляд, самый перспективный путь развития школы — это полный день...

— **Все ли захотят оставаться до вечера в школьных стенах?**

— В современной «коробке» — нет, конечно. Мы как раз и ставили задачу сделать школу привлекательным местом для детей и подростков. На уро-

ках ученик не всегда может получить ответы на все свои вопросы, проявить инициативу, раскрыть все свои способности. Полный день и должен служить гармоничному развитию личности. Правда, не думаю, что с такой нагрузкой справятся одни учителя. Необходимо вовлечь в воспитательный процесс родителей — они обязаны в свободное время прийти в школу, принести детям свои знания и умения. Кстати, я могу сослаться на уникальный пример: в Омске в одной школе родители организовали около ста кружков!

— **На сколько учащихся рассчитана ваша школа? Какие материалы заложены в проекте? Стоимость?**

— В ней 33 класса, 960 учащихся. Основной материал — монолитный железобетон. Что касается стоимости... 6—8 миллионов рублей. Для сравнения скажу, что нынешняя школа стоит полтора миллиона. Дорого? А можно ли экономить на подрастающем поколении? К сожалению, у нас архитектура «задавлена» строителями. Во главу угла постоянно ставится, так сказать, «прямая» экономия, а уж потом — человек, не учитываются социальные последствия. Между прочим, за рубежом архитектор диктует строителям, что и как строить. У нас наоборот. Разве наши строители не в силах осуществить проект так, как он задуман?

— **На выставке в Доме архитекторов я видел также макет школьного комплекса, разработанного вами с группой архитекторов. Тоже недешево: шесть с половиной миллионов. Но, кажется, этот проект близок к осуществлению?**

— Да, деньги на него выделены, комплекс будет строиться в Свердловске. Он включает в себя две школы по 33 класса, общешкольный центр, филиал районного Дома пионеров и школьников, детскую школу искусств, детскую спортивную школу и учебно-производственные мастерские. Это, если хотите, наш вариант решения одного из пунктов школьной реформы: «Создать в каждом районе комплексные внешкольные учреждения с широким спектром направлений деятельности».

— **Не так давно «Смена» выступила с предложением создать в городе Кирове детский дом промышленного предприятия — принципиально новый тип детдома. В восьмом номере журнала за этот год было опубликовано задание на проектирование — каким условиям должно отвечать здание. Один из первых проектов разработан в вашем научно-проектном отделе. Что можно о нем сказать?**

— Если коротко, то архитектурное решение близко школе будущего — то есть содержит многие ее элементы. Я имею в виду не внешний облик — он совершенно иной, а принципы пространственной организации здания. Архитектурные формы подчинены одной цели: чтобы ребенку в таком детдоме жилось тепло и радостно.

Беседу вел
Владимир НИКОЛАЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Проект школы будущего существует пока только в макете. Нет еще заказчика и подрядчика, чтобы претворить его в жизнь. Но разве обязательно, чтобы новые архитектурные решения долгие годы оставались на бумаге? Мы обращаемся к заинтересованным организациям, прежде всего к Минпросу и Госстрою СССР: давайте сделаем так, чтобы школа будущего появилась уже в нашем веке. «Смена» готова взять шефство над осуществлением проекта — от макета до ввода в строй. Не будем откладывать хорошую идею на будущее!

СМЕНА

Существует некая общепринятая, «типовая» модель сотрудничества молодежного театра и комсомольских органов. Выглядит она примерно так: театр работает под заботливой опекой райкома (или горкома, или обкома) ВЛКСМ, комсомол направляет деятельность театра, помогает ему по хозяйству, театр отвечает активным участием в комсомольской жизни города. В принципе так, наверное, бывает. Но сегодня мы расскажем о случае, который по теории бесконфликтности немислим. Это история полного разрыва между театром и обкомом комсомола. Ситуация, о которой пойдет речь, крайне запутана и противоречива. Прежде чем начать разговор, хочу предупредить: ни в коем случае нельзя ограничивать цель этой статьи как «наказание виновных». Главная задача — помочь враждующим — да-да, именно так! — сторонам найти пути решения всех проблем, найти дорогу друг к другу. Стороны сегодня сами сделать этого не могут. Невозможность работать вместе признается реальностью номер один. Вот примеры.

Точка зрения Регины Гринберг, главного режиссера Ивановского народного молодежного музыкально-поэтического театра-студии: «Советоваться с обкомом комсомола? Бесполезно... Обком ВЛКСМ от нас просто отвернулся».

Точка зрения работников Ивановского обкома ВЛКСМ А. Каталова, В. Кирюхина, А. Чистова: никакие нормальные рабочие контакты с Р. М. Гринберг невозможны.

Вот так, просто и однозначно. Дуэлы! А теперь перейдем к делу. Для начала — немного истории. Ивановский молодежный музыкально-поэтический театр существует вот уже тридцать лет. Театр — лауреат премии Ленинского комсомола, неоднократный участник и победитель многих театральных фестивалей и смотров 1958, 1963, 1967, 1977, 1979, 1985 годов. Имеет обширную географию гастролей — Москва, Ленинград, Пермь, Владимир, Ярославль, Свердловск, Ташкент. Безусловно, это один из интереснейших народных театров страны. Все тридцать лет театр возглавляет заслуженный работник культуры РСФСР Р. М. Гринберг.

Почему же «театр не может работать» (слова Регины Михайловны)? Откуда взялся такой серьезный конфликт? Ведь театр 30 лет назад создавался именно при обкоме комсомола, и с тех пор обком шефствует над театром.

На мой взгляд, весь круг проблем можно разделить на два основных блока: хозяйственные, организационные и художественные или, если брать шире, идеологические проблемы. Правда, Регина Михайловна Гринберг такое разделение в принципе не допускает. По ее мнению, «если есть налаженное хозяйство, есть и идеологическая работа». И тем не менее примем на время это условное разделение проблем.

Театр расположен в Доме культуры фабрики имени Балашова. В его распоряжении две сцены — малая и основная, несколько кабинетов, есть комната-музей. Места, в общем, не так уж и мало, театр занимает большую часть помещения Дома культуры. И, разумеется, возникает масса хозяйственных вопросов. Например: не оборудована вентиляция на малой сцене, в плохом состоянии фасад здания, а также подходы к театру — они темные, какие-то очень неудобные и мрачные, грязные. Масса хлопот с лампами для осветительной аппаратуры, и так далее, и так далее. И дело в том — я намеренно так подробно перечисляю все вопросы! — что все претензии театр предъявляет обкому комсомола.

Работники обкома, в частности секретарь обкома Алексей Каталов, заве-

Алексей КУЗНЕЦОВ, специальный корреспондент «Смены»

дующий отделом пропаганды Вячеслав Кирюхин, от этого не отказываются. Конечно, нельзя в один миг решить все вопросы. Может быть, работники обкома решают их чересчур медленно. Но дело не в этом. Речь идет о том, что входит в их прямые обязанности. Если идеологическое руководство, то в чем оно заключается? Или хозяйственные функции? А вернее всего — гибкое совмещение того и другого. Именно силами обкома ВЛКСМ штаб ССО в 1985 году провел ремонт в помещениях театра и в музее. Но едва ли имеет смысл ждать и требовать от обкома решения только хозяйственных задач. Конечно, слова В. Кирюхина: «Наше дело — идеологическое руководство, а хозяйством пусть занимаются фабрика и профсоюз» — приветствовать нельзя. Но «контраргумент» Р. Гринберг звучит, мягко говоря, тоже неубедительно: «Ленинский субботник был идеологическим мероприятием, тем не менее там таскали бревна!»

Но это еще не все. Один из ключевых вопросов — автобус. Дело в том, что все спектакли кончаются очень поздно — случается, актеры расходятся и за полночь. Дом культуры расположен в отдаленном месте, где, кроме одного редко ходящего автобуса, нет никакого транспорта. Конечно, актерам и зрителям добираться до дома неудобно, а подчас и опасно — уже были случаи нападения. Это факты, зафиксированные в милиции. И вот Регина Михайловна требует у обкома автобус (который был обещан театру к 25-летию), чтобы развозить по домам актеров. И обком, представьте, автобус выделяет. Не совсем, как признаются работники обкома, новый, но на ходу. Правда, с мая он на капремонте. Правда, автобус долго стоял у обкома, не будучи ни у кого на балансе. И водителя сейчас нет. Все так. И тем не менее автобус есть, и это не «чистая фикция».

Теперь проблема кадров. У Ивановского молодежного театра сейчас в штатном расписании 14 ставок. Все, кто более или менее знаком с положением дел в народных театрах, мне могут не поверить, настолько неправдоподобно большой кажется цифра. Этого количества штатных единиц удалось добиться всеми правдами и неправдами, проводя одни через обком комсомола, другие — через облсовет профсоюзов, третьи — через Дом самодетельного творчества. Тут вроде бы театру жаловаться не приходится. На деле же Регина Михайловна и эти ставки называет фиктивными, потому что... никто из названных трех организаций не занимается их укомплектованием! Окажется, мало дать ставки — надо еще их и заполнить. И представьте, все три организации регулярно направляют в театр людей. Но люди там почему-то работать не остаются.

В Ивановской области 17 народных театров, да что там область — я специально узнавал у специалистов, и мне подтвердили, что таких условий нет практически ни у кого. Директор одного из профессиональных (!) театров только ахнул, услышав про эпопею с автобусом. Тут ситуация предельно ясна: по-

ИСТОРИЯ НЕЛЮБВИ

ИЛИ
ПРОЗАИЧЕСКИЕ
БУДНИ
ТЕАТРА
ПОЭЗИИ

твенциально Ивановский молодежный театр находится в исключительном положении. На него обращено особое внимание, как бы ни возражала против этого Р. М. Гринберг. И, видимо, театр постепенно привык к особому вниманию.

Я далек от того, чтобы обвинять театр в неумении распорядиться богатейшими возможностями. Безусловно, обком комсомола, привычно объясняя разные проволочки удобной фразой: «Такие дела сразу не делаются», — не прав. И не прав серьезно, его неправота для театра чувствительна. Но не будем забывать и цель данной статьи: постараться помочь театру и обкому комсомола найти дорогу друг к другу.

Сегодня, мне кажется, мы слишком часто, до оскомины, к месту и не к месту употребляем слово «перестройка». Между тем как упоминание его все лишь мешает делу, скрывает от нас то, что сегодня на первый план выходит самое главное — морально-этическое понимание перестройки. Пока не произойдет внутренней перестройки, перемены самого человека, никакие дела по-новому не пойдут.

Но тут же мы подходим еще к одной проблеме. И разобраться здесь будет сложнее. Суть этих проблем Регина Михайловна называет одним словом: администрирование.

Регина Михайловна жалуется на постоянное давление со стороны обкома комсомола, облсовета профсоюза, Дома самодеятельного творчества.

Для начала разберемся в более простых явлениях. Регина Михайловна считает, что названные организации совершенно неправильно требуют от театра плана работы на сезон уже в сентябре — октябре. Сезон обычно начинается в ноябре, возникает масса творческих и прочих проблем, и театр не всегда может четко планировать свою работу. Однако... и в ноябре плана работы театра все еще не было.

Далее, Регина Михайловна говорит, что ее заставляют сдавать новые спектакли, тогда как театру сейчас выгоднее, удобнее играть старые спектакли. Что ж, вполне возможный случай. Сейчас в репертуаре театра «Мозаика» А. Вознесенского, «Настал черед» М. Цветаевой, «Мы возвращаем землю» по В. Высоцкому, «Дерево добрых» Ю. Левитанского, «Спешите делать добрые дела» Г. Поженяна. Кроме этого, театр проводит творческие встречи.

Иной раз необходимы передышка, творческая пауза, возможность закрепить уже найденное, накопить силы, мастерство. Мне кажется, различным инстанциям не стоит требовать обязательных новых постановок. Но последняя премьера в театре состоялась в апреле 1985 года. Не затянулась ли пауза? Ведь к примеру, лет десять назад в год появлялось 3—4 новые постановки. Но и в этом вопросе надо быть очень осторожным. Как, например, рассматривать такой вариант работы театра: поэтические спектакли постоянно обновляются за счет ввода новых сцен. Появилась, допустим, новая подборка стихов А. Вознесенского — театр находит возможность ввести их в живую ткань спектакля. Это один из

важнейших творческих принципов Р. Гринберг. И тут, думается, инструкции и своды параграфов могут не выдержать проверки на прочность. Или еще один спорный вопрос: спектакль «Мы возвращаем землю», по существу, состоит из трех отдельных спектаклей, но идет он один вечер — как триптих. Регина Михайловна считает это тремя спектаклями, обсовет профсоюза — одним, раз идет он один вечер и продается на него один билет. Как тут быть?

Рассмотрим еще несколько «болевых точек». Несколько лет назад, рассказывает Регина Михайловна, происходили очень неприятные истории во время сдачи спектакля по В. Высоцкому. Запрещали репетировать, вымарывали из композиции некоторые стихи. Словом, история действительно неприглядная, и то, что еще несколько лет назад у нас пытались замалчивать его творчество, печальная реальность. Но с тех пор многое изменилось! Изменился, например, состав обкома комсомола, ушли те люди, которые доказывали вредность Высоцкого. А ведь Регина Михайловна утверждает, что со всеми прежними составами обкома ей работалось легко, а вот нынешний состав во главе с Каталовым и Кириухиным ей не дает работать. Как же быть тут с историей постановки Высоцкого?

Недавно театр наладил связь с комиссией по творческому наследию В. Высоцкого. Возникла совместная идея — присвоить театру имя поэта. К открытию сезона в адрес театра от комиссии пришло письмо, в котором высказывалась поддержка идеи. Письмо должно было быть опубликовано в молодежной ивановской газете «Ленинец». Оно и было опубликовано — только без абзаца, в котором говорилось о присвоении театру имени В. Высоцкого. Оказывается, театр не посоветовался с обкомом комсомола! А раз так — вступил в силу великий принцип «как бы чего не вышло». И Алексей Каталов дает личное указание вырезать из текста тот самый подозрительный абзац. Спор нет, обкому обидно. И, наверное, театру стоило посоветоваться. Но велика ли вина? И что стоило А. Каталову пойти навстречу театру, забыв об обиде во имя прекрасного общего дела? И не впадать в начальнические амбиции. Вот это уже наглядный пример администрирования, хотя я убежден: договориться все-таки было можно и нужно!

Сюда же можно отнести и обещанные театру, но не состоявшиеся по неизвестным причинам гастроли. Гастроли не прошли и до сих пор, а они театру необходимы, чтобы проверить на деле верность своих творческих принципов.

Итак, история с именем Высоцкого и гастролы. Кроме этих двух, бесспорно, серьезных вещей, мне не удалось услышать больше ни одного примера «администрирования». Все остальные претензии театра к обкому комсомола упираются в те самые хозяйственные нужды, потому я и рассказал о них в начале. Более того, Регина Михайловна категорически против любого (!) участия обкома в творческой жизни театра. Постепенно дело доходит до таких требова-

ний: обком должен областить творческого работника, создать атмосферу внутреннего комфорта. Пока же, по словам Регины Михайловны, в обкоме царит «вельможный стиль», которого она боится и потому не подпускает обком близко к решению творческих вопросов. А между тем член худсовета театра А. Ефремов призывает работников обкома чаще ходить в театр, интересоваться творческой стороной дела! Ну, а мнение Регины Михайловны об идеологическом руководстве обкома мы знаем: пусть обком занимается автобусом, ремонтом, вентиляцией. Так в чем тогда администрирование? Честно говоря, кроме двух действительно логически необъяснимых случаев, больше ничего мне рассказано не было.

Каковы же перспективы? Что касается театра, тут вопрос уже поставлен. Неоднократно высказывалось мнение о том, что коллективу нужен иной статус. Это должно быть чем-то вроде клуба, творческого молодежного центра, который, мне кажется, городу необходим. Формы работы театра во многом переросли существующую его организацию — тут и лежит корень разногласий. Правда, некоторые формы работы нуждаются в очень серьезной доработке. Так, я не увидел в театре обещанной зрительской активности — творческая встреча с поэтессой Т. Жирмунской и обсуждение спектакля «Настал черед» проходили довольно вяло и неинтересно, по крайней мере мне приходилось видеть гораздо более острые и серьезные обсуждения. Существующая в театре зрительская анкета составлена крайне примитивно и серьезным основанием для социологического исследования быть не может.

И вот что еще сегодня нужно театру — поверить в то, что предлагает обком комсомола. Сотрудники обкома просили напечатать в журнале список предложений обкома театру. Это перспективы на совместную работу.

Итак, обком ВЛКСМ предлагает:

1. Организовать шефскую работу театра над трудовыми коллективами города и области.
2. Предусмотреть четкое совместное планирование этой работы.
3. Включить в состав худсовета театра секретаря обкома ВЛКСМ.
4. Установить связи театра с близкими по творческим принципам театрами страны.
5. Организовать поездки и встречи по линии комсомола.
6. Обеспечить участие театра в концертах творческой молодежи города.
7. Проводить вечера поэзии, диспуты, творческие встречи в студенческих аудиториях города Иванова и области.
8. Восстановить работу народного университета культуры на фабрике имени Балашова.

Может быть, этим предложениям не хватает конкретики. Но в них есть главное — стремление забыть обиды и начать наконец совместную работу. Если сюда добавить поддержку предложения Р. Гринберг о создании молодежного центра, организовать московские гастроли, срочно исправить положение с присвоением имени В. Высоцкого, организовать регулярное освещение в прессе творческих проблем театра и, разумеется, немедленно ускорить все

хозяйственные работы, станет очевидной возможность нормального сотрудничества.

P. S. Этот материал был уже в редакции, когда в газете «Ленинец» появилась статья о спектакле «Мы возвращаем землю». А вскоре газета посвятила целую полосу читательским откликам на эту статью. И вот что интересно: основной спор (какой там спор — война!) разгорелся не по поводу спектакля, а непосредственно вокруг театра.

«До сих пор театр был вне критики. Они (авторы статьи.— А. К.) ни в театре, ни тем более в кругу его друзей услышаны не будут». Некоторые зрители пытаются понять: в чем истоки этих «зон молчания»? Послушаем их.

«Все последние статьи ни словом не упоминают об определенном кризисе театра. Отсутствие критического начала в разговоре о театре, редкая сменяемость репертуара, недостаточная пополняемость труппы, по-моему, вредят развитию этого творческого коллектива» (В. Бахарев, художник).

«Творческий потенциал театра по-прежнему высок, тому свидетельство — ажиотаж с билетами и постоянное поминчивание зрителей из других городов...» (С. Шмелев, инженер).

А вот уже слова о самом спектакле: «Проще и как-то приглаженнее (будто причесали на прямой пробор) получился в спектакле Высоцкий. Не живой поэт, а памятник» (В. Гончарова, учитель).

Такое разделение мнений свидетельствует в первую очередь о том, что Ивановский молодежный театр, безусловно, явление незаурядное. И поэтому он остро нуждается в принципиальной театральной критике. Но, возвращаясь к теме статьи, хочется сказать вот что: видимо, эта экономическая-хозяйственная-идеологическая дуэль между театром и обкомом ВЛКСМ — лишь отголосок еще более серьезных событий, которые только-только появляются на свет в огромной подборке зрительских откликов в «Ленинце».

И поэтому мы еще и еще раз обращаем внимание на необходимость открытого, серьезного, профессионального исследования творческой деятельности театра. Наверное, тогда смогут решиться очень многие проблемы, в том числе и та, что стала темой статьи.

P.P.S. И еще одно добавление. Совсем недавно мы узнали, что вопрос о присвоении театру имени В. Высоцкого решен. Огненные театр носит имя поэта. Более того: наконец-то состоялись и гастроли театра в Москве. Отметим, правда, что проходили они практически безо всякой рекламы, театр сыграл всего три раза один и тот же спектакль — «Настал черед» по М. Цветаевой. И если учесть, что в этом спектакле занята всего одна исполнительница и один гитарист, можно только недоумевать по поводу таких, прямо скажем, не очень состоявшихся гастролов. Но, как бы там ни было, а два очень важных, принципиальных вопроса решены. Значит, и пути решения проблемы упростились? Очень хочется в это верить.

В одной книге я вычитал: какой-то американец нашел денежный эквивалент человеческому телу: мужчина весом в 65 кг стоит 1 доллар, потому что в нем столько воды, сколько хватит выстирать две рубашки, железа, чтобы выковать один гвоздь, волос, чтобы сделать один парик, яда, чтобы убить одну блоху.

Я рассказываю об этом Тане, но она только фыркает в ответ:

— Боже, какой чепухой занимаются люди!

— Почему чепухой? — возражаю я, стараясь идти помедленнее, но она, как всегда, частит, бодро постукивая каблучками по асфальту. Народу в центре становится все больше, нас постоянно разъединяют и мешают нормально разговаривать. Я раздражаюсь от необходимости следить за этими встречными-попечерными потоками. А Тане хоть бы что. Она идет спокойно, никому не мешая, никого не толкая. Или люди сами обходят ее, боясь задеть неосторожным движением красивую девушку, словно сошедшую с витрины магазина? Высокая, стройная, в черном платье с кружевным воротничком и манжетами, в черных же туфельках на крохотных каблучках, со свободными падающими на узкие плечи блестящими каштановыми волосами, победно поднятой головой и синими большими глазами, которыми рассеянно и задумчиво смотрит перед собой... Когда я, отсеченный кем-нибудь, отстаю, вижу, как оглядываются мужчины и провожают ее восхищенными взглядами. Но вместо гордости испытываю чувство потерянности и унижения, потому что этими же чужими взглядами вижу рядом с ней и себя — длинного, худого, с выпирающими скулами, с нахмуренным, злым лицом, в жалких стиранных-перестиранных джинсах и самодельном вязаном джемпере, из рукавов которого торчат неестественно загоревшие кисти рук... За кого, интересно, они меня принимают, когда я догоняю Таню и иду рядом с ней, продолжая говорить какую-то чушь вроде той, которую сказал, едва мы с ней встретились на углу? Наверное, за какого-то приставалу, привязывающегося на улице к порядочным девушкам. Или, в лучшем случае, за младшего непутевого брата, которого ведут из школы с родительского собрания на строгий семейный суд...

— Почему чепухой? — переспрашиваю я: меня очередной раз оттерли, и я не расслышал ее ответа.

— Потому что человека нельзя мерить деньгами, — отвечает она и строго смотрит на меня снизу вверх и сразу становится похожей на нашу бывшую классную руководительницу Наталью Павловну, которая знала все и еще кое-что более того.

— А чем же его можно мерить? — задаю я очередной дурацкий вопрос, пропустив между собой и Таней какого-то здорового парня, едва не свернувшего себе шею от любопытства.

— Чем угодно, только не деньгами! — говорит Таня, и я ловлю эти слова уже на излете, потому что снова отстаю от нее шага на два.

И пока я соображаю, как лучше возразить, она уже сворачивает к дискотеке, у которой, конечно, стоит очередь. Чего они тут ждут, непонятно: я еще не видел, чтобы кто-нибудь когда-нибудь оттуда выходил вечером и кто-то вместо него туда входил. Дискотека — единственная на весь район, и места здесь выдаются счастливым, по-моему, вместе со свидетельством о рождении. Если, конечно, ты не друг Арсена или не товарищ его друга. Арсен — вахтер или штатный вышибала, называйте как хотите этого человека, который охраняет вход в дискотеку. Плечи у него шире, чем проем в двери, поэтому она никогда летом не закрывается: Арсен стоит, как монумент, облокотившись о косяк, скрестив на груди волосатые руки и уперев одну ногу в приступку; черные глаза под хмурными бровями и полуседой курчавой челкой смотрят поверх всех в вечность. Но Таню он замечает сразу, а вместе с ней и меня. Правда, здесь повторяется та же история, что и на улице: перед ней толпа расступается, и Таня идет, как по коридору, не замедляя шага, а мне приходится работать руками, чтобы от нее не отстать.

— Он со мной, — говорит Таня, кивая за спину, и Арсен отодвигает ногу, пропуская ее внутрь и терпеливо дожидаясь, пока я вытасю себя из мгновенно смкнувшейся и зажавшей меня недовольно загалдевшей толпы. «Молодец, а?» — шепчет мне Арсен на ухо, провожая восторженно загоревшимся взглядом Таню, уже спускающуюся вниз, в душный полумрак танцевального зала. Мы с Арсеном живем на одной лестничной клетке, и потому я сюда могу приходить в любое время. Но сейчас он хвалит не меня, а Таню, оценив ее гордый и независимый проход сквозь строй бунтующих очередников.

Таня, конечно, молодец, но это я ее, а не она меня, пригласил в дискотеку, где она всего лишь второй раз: ей не нравятся здешние нравы и то, что здесь слишком тесно и жарко.

На нее везде обращают внимание, а в дискотеке, куда люди приходят побалдеть и все танцуют со

всеми, верхний свет зажигают редко, поэтому никто ничего особенно не разглядывает. Когда же Гоша включает вместе с музыкой вращающийся световод, даже некрасивые становятся красивыми, и справедливость, нарушенная природой, таким образом восстанавливается. Вот почему я люблю бывать здесь, а Таня не любит. Но я вызвал ее сегодня из дома и сказал, что мы пойдем в дискотеку. Она не стала спорить, надела самое красивое свое платье и пошла, и Арсен открыл рот и сказал, что она — молодец. Особенно, наверное, ему понравились ее слова: «Он — со мной», потому что ему не часто приходится слышать такие заявления от девушек, которых он видит второй раз в жизни.

В общем, потрясенный и униженный, я спускаюсь в зал, привыкаю к полумраку и вижу, что свободных столиков много: основные клиенты еще не подтянулись.

Таня сидит недалеко от стойки, и Пашка-бармен начинает улыбаться ей и строить глазки. Потом он видит меня, и это зрелище его сразу разочаровывает: мы с ним враги. Не боялся бы он Арсена, только тут меня и видели. А так — пакостит по мелочам. Сейчас он отворачивается, показывая свою раннюю плешь.

Я пододвигаю ногой стульчик и сажусь напротив Тани. Свет от лампы, что над баром, хорошо освещает ее лицо.

— Ну, и что дальше? — спрашивает Таня, взглядывая на меня уже не синими, а темными глазами. — Надеюсь, не будешь рассказывать здесь разные глупости, где ты их только выкальываешь?

— Почему глупости? — возражаю я. — Очень даже полезная информация. И для интеллекта, и для души.

Мы ссоримся третий вечер и никак не можем остановиться. Какой-то злой микроб вселился в нас обоих, и мы цепляемся друг к другу из-за всякой ерунды. Я устал от этого еще позавчера и дискотеку-то придумал ради того, чтобы начать разговаривать по-нормальному... Но вместо спокойной беседы у нас опять получается черт знает что! Ничего так не выводит Таню из себя, как мои встречные вопросы, а я только и делаю, что молочу их.

— Зачем ты привел меня в эту забегаловку? — говорит Таня, не отвечая на мой вопрос.

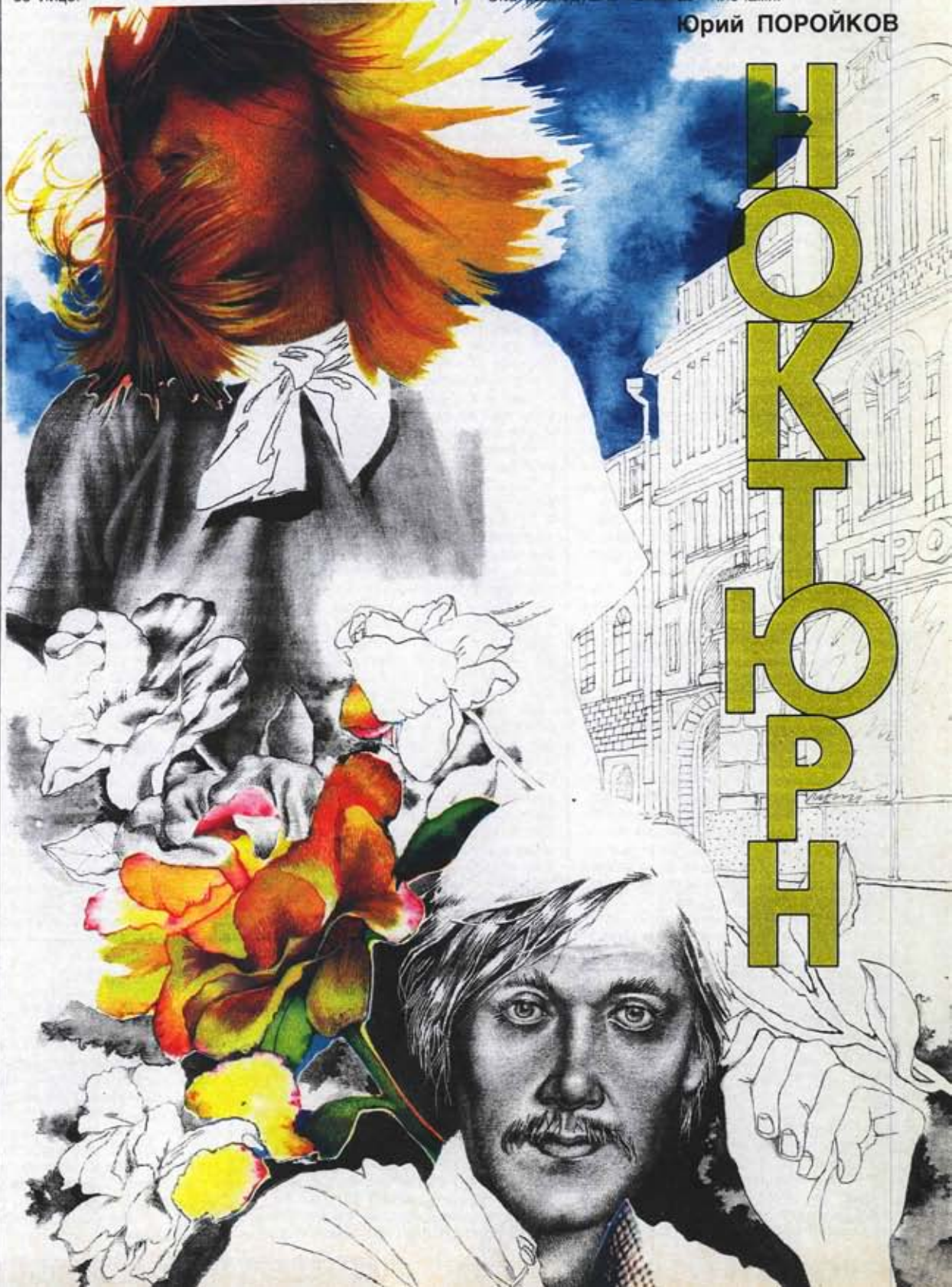
— Почему забегаловка? — интересуюсь я и от злости наступаю сам себе на ногу.

Таня мгновение смотрит на меня прищуренными глазами и тяжело вздыхает. Нет, что ни говори, а поддержки у нее больше: я бы, например, уже давно взорвался, если бы мне так часто наступали на любимую ногу.

— Видишь? — говорю я, приподнимаясь. Она равнодушно пожимает плечами.

Юрий ПОРОЙКОВ

НОКТОЮРН

Приоткрываешь дверь этого небольшого павильона на берегу моря — и сразу попадаешь в светлую просторную комнату, где радует глаз белая мебель и по-домашнему пахнет жареным кофе. Восемь круглых столов, вокруг каждого по шесть стульев с мягкими сиденьями. Два телевизора висят под невысоким потолком, два мощных динамика, стойка бара с автоматом для приготовления кофе. На стенах — картины из городского художественного фонда, их периодически меняют.

Шесть часов вечера. Кафе постепенно наполняется посетителями. Главным образом это дети, сопровождаемые родителями или бабушками и дедушками. Завертелись хозяева, разливая по бокалам «пепси» и «фанту», раскладывая по тарелочкам печенье и пирожные. Тихо зашумел кофейный аппарат, вспыхнули экраны телевизоров, а из динамиков разнесся знакомый голос Папанова: «Ну, Заяц, погоди!» Расплылись в улыбках детские лица, снисходительно заулыбались бабушки и дедушки: завораживающее священнодействие, увлекающее и детей, и взрослых, началось. Мультики!..

Пора ввести читателя в курс дела. Время действия — 1987 год. Место действия — город Пярну, видеокафе на семейном подряде. Хозяева — две молодые супружеские пары: Эльмар и Вирве Лепп и Энн и Юлле Кальюмяз, посвящающие свое свободное время вот такой оригинальной форме организации досуга. Как же все началось? Вопрос не праздный, если учесть, что это первое в стране видеокафе.

Рассказывает Эльмар Лепп, шофер Пярнуского агропрома. В начале 86-го года мы с женой прочитали в газете «Пярнуский коммунист» статью первого секретаря горкома партии Кэрсти Рей. В ней было предложение использовать пустующие помещения, создавать там клубы для молодежи, спортивные залы, кафе. И мы пошли в горком. Идея у нас была, но нам хотелось поделиться с секретарем своими планами, уточнить детали. В горкоме мы нашли активную поддержку. И тут начались наши хождения по городу, встречи с руководителями разных ведомств, а точнее, хождения по мукам. Почти везде мы наталкивались на формализм и равнодушие. Кое-что нам предлагали, но потом оказывалось, что это очередная бюрократическая уловка: от нас хотят просто отделаться... Выход был найден неожиданно. Заведующий производственным управлением бытового обслуживания города Юрий Пинсель предложил нам пустующий уже несколько лет летний павильон на берегу моря. Когда-то там был пункт проката шезлонгов и лежаков для отдыхающих. Теперь он стоит бесхозным: штукатурка отвалилась, стены покоробились, пол вспучился. «Попробуйте навести порядок, — сказал Пинсель, — если сумеете, мы заключим с вами договор».

Вирве Лепп. Это было в конце апреля прошлого года. Мы купили за свои деньги краски, белила, цемент, линолеум, ковrolит. Вечером после работы бежали сюда, превращаясь в штукатуров и маляров. Спать ложились в дватри часа ночи. Уставали страшно, но видели, что постепенно павильон оживает, становится светлым и уютным. Сами купили мебель, наши мужчины повесили динамики и телевизоры, приладили стереосистему и видеотеку. И вот наступило 21 июня... У нас в этот день ежегодно отмечается праздник «Здравствуй, пярнуское лето!». Секретарь горкома Кэрсти Рей перерезала ленточку, и первые посетители заняли места за столиками в нашем кафе...

Тогда у многих в городе были опасения, что все наши хлопоты только ради того, чтобы иметь крупные деньги. В ис-

Гостеприимство хозяев и домашний уют рождают хорошее настроение.

Марк ГРИГОРЬЕВ

ПАТЕНТ

Первое в стране видеокафе на семейном подряде открыли в Пярну две молодые супружеские пары

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ. Напишите нам о кооперативных предприятиях, в которых успешно трудится молодежь. Расскажите о трудностях, с которыми сталкиваются желающие заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Ждем писем с конкретными адресами!

полком и в горком шли одна за другой анонимки, где нас обвиняли в стремлении извлекать многотысячные нетрудовые доходы. Хотя в то время мы имели одни лишь долги и рискованную перспективу: сумеем ли управиться? Как отнесутся люди к нашему видеокафе? Согласятся ли платить 50 копеек в час? Станет ли наша комната местом развлечения и общения или превратится в обыкновенный павильончик, где можно выпить чашку кофе и стакан «пепси»?..

При входе в видеокафе перед зеркалом есть маленький столик. На нем лежит довольно уже пухлая гостевая книга. Сотни благодарностей... Инициатива молодой четверки, проявившей подлинную социалистическую предприимчивость, получила признание разновозрастной аудитории, пользуется поддержкой городских властей и партийных руководителей. «Так в чем же дело?» — спросит иной наивный читатель. — Давайте распространять опыт по стране! Не могут же все любители видео ездить в Пярну».

Разумеется, не могут. Да, и самим жителям Пярну не так уж просто попасть в единственное видеокафе, рассчитанное на 30—35 человек. Так почему же тогда, коль так велика в них потребность, не растут видеокафе как грибы после дождя? Впрочем, не обязательно даже кафе, а любые объединения с приставкой «видео»: видеотеки, видеоклубы, видеосалоны. Да и нужны ли они в массовом количестве или это очередная мода, недолгое увлечение «видеоманов»? Попробуем разобраться.

Тридцать лет назад в нашем лексиконе появилось слово «телек» — так ласково, дружески был наречен бурно входивший в наш быт телевизор. Тогда он еще рассматривался как некое чудо, забавная техническая новинка. Сегодняшние же двадцатилетние телевизионное воспитание впитали с молоком матери. Голубой экран формировал их в той же, если не в большей, степени, чем игрушка или детская книжка. Что же сделали клубы, организаторы досуга, культпросветработники, чтобы заполнить «голубого друга» себе в союзники? Да ровным счетом ничего! Тридцать лет спали и лишь в последние годы начали создавать телегостиные, которые с трудом собирают трех-четыре пенсионеров. А молодежь... Вот двадцать — тридцать лет назад можно было заинтересовать молодых телевизором. Сейчас — только отпугнешь.

Сегодня в нашем обиходе появился еще один неологизм — «видек». Видеомагнитофон. Но спячка продолжается! Спит промышленность, выпускающая смехотворное количество отечественной видеотехники невысокого уровня, но по цене, равной годовому жалованью инженера.

Между тем видеомагия начала овладевать умами. По приблизительным подсчетам, в стране функционирует около 300 тысяч единиц видеоаппаратуры. В подавляющем большинстве зарубежной. Между тем уже сегодня, по данным опроса, проведенного социологами ВНИИ киноискусства, о видеомагнитофоне у нас мечтают около двадцати миллионов человек. А по весьма приблизительным обещаниям промышленности к концу тысячелетия мы будем иметь только два-три миллиона «видеков». Думаю, приведенные цифры достаточно ясно говорят о гигантском разрыве между спросом и предложением. Где же выход?

Руководитель объединения «Видеofilm» Ф. Перепелов, выступая на первой в нашей стране научно-практической конференции о развитии видео, сказал: «Очень отрадны явления мы сейчас наблюдаем. Приезжают люди из отдаленных мест и ставят вопрос о налаживании у них проката кассет, о видеоклубах. Мы уже создали видеотеки в нескольких вахтовых поселках в Тюмени, обзаводятся видеотехникой строители газопроводов, автохозяйства Сибири. Приезжали к нам недавно и из Сургута. Видеотехника у них есть, и поскольку люди честно ее заработали, они не таятся, готовы предоставить свои аппараты клубам, были бы только содержательные программы... Не исключаем мы в принципе и использование видеомагнитофонов, например, в кооперативных кафе, демонстрацию кассет в качестве одной из форм семейного подряда, индивидуальной трудовой культурно-просветительной деятельности».

Какие замечательные слова! Конечно,

отрадно, что люди приезжают из глубинки и требуют, и ставят вопросы. Только вот не понятен бодряческий тон, когда ведется речь о решении поднимаемых приезжими вопросов. Формально видеотеки в вахтовых тюменских поселках созданы, а на деле — деки лежат на складах либо вышли из строя, так и не успев поработать. Что же касается содержательных программ, то тут уж, наверное, лучше скромно помолчать: даже в наиболее богатых видеотеках Москвы посетители смотрят едва ли десять процентов имеющихся программ. И неудивительно, ведь репертуар видеотек дублирует телевизионные и кинопрограммы. А к созданию оригинальных видеолент только-только приступили студия имени Довженко и ЦСДФ. Да и пленки отечественной пока в помине нет.

По меньшей мере странная ситуация: богатые геологи и нефтяники могут приобрести видеотехнику и даже дать ее в пользование клубу, а сам клуб выступает в качестве бедного родственника. Объясняется все, правда, очень просто: сибиряк с тугим бумажником покупает видеодекку за наличные, а клуб может это сделать только по перечислению. И тут его очередь может подойти никак не раньше третьего тысячелетия?

Памятливый читатель упрекнет автора в забывчивости. Дескать, товарищ Перепелов и представляемое им ведомство не исключают «в принципе и использование видеомагнитофонов, например, в кооперативных кафе...». Не о таком ли кафе в Пярну шла речь? Именно о таком! Но обрати, читатель, свое внимание на не случайно употребленное выражение «в принципе». Очень существенный нюанс. Чтобы оценить его, надо вернуться в Пярну, на берег моря, где в наступившей темноте приветливо светятся окна видеокафе...

После восьми часов ребяташки покидают зал. Возраст посетителей теперь «от шестнадцати и старше». Кстати, одна из причин популярности видеокафе — безалкогольное меню. Меняется и репертуар видеопрограмм. Как правило, это сборники выступлений советских и зарубежных музыкальных групп, которыми располагает советское телевидение. Записывать из эфира вполне доступные в Эстонии финские программы нельзя: их демонстра-

ция в видеокафе вступает в противоречие с законом по охране авторских прав. Что и говорить, программа вечерних демонстраций оказывается довольно скудной и часто повторяемой.

— Нам хотелось бы показывать у себя лучшие ленты мирового кино, — говорит Эльмар Лепп, — в том числе и остросюжетные, развлекательные. Ничего этого объединение «Видеofilm» предложить не может. Вообще их представители выступают в роли назойливых коммивояжеров: пытаются всучить нам залежалый товар по непродуманно высокой цене. А чуть что, шлют своих ревизоров.

— Разве вы подчиняетесь объединению? — удивляюсь я.

— Лучше спросите, кому мы не подчиняемся, — грустно улыбается Эльмар. — Потому и не открываются такие кафе повсеместно, сразу окажешься объектом ревизий всех ведомств: бытового обслуживания, торговли, Госкино... Ведь мы действуем по собственной инициативе, а не по приказу сверху. И это у многих вызывает подозрения. Раз проявляют инициативу, значит, имеют интерес!.. Имеется в виду, конечно, денежный. И проверяют, проверяют, проверяют!.. Порой руки опускаются.

— Но вы же не филантропы? Видеокафе приносит определенный доход...

— Разумеется, заработок — дело не последнее. Мы имеем ощутимую прибавку к зарплате: в среднем на семью в месяц выходит по 450 рублей. Точнее так: доход видеокафе составляет две с половиной тысячи в месяц. Полторы из них мы отдаем управлению бытового обслуживания. Не так уж много остается нам на четверых, если учесть, что работаем в поте лица с шести вечера до полуночи. А в исполком и горком партии поступают анонимные письма, где «доброжелатели» оценивают наши доходы кто в пятнадцать тысяч, а кто и в тридцать пять. Но это, как говорится, дело их совести. Я думаю о другом. **Видеокафе позволило нам выйти за рамки своей профессии, попробовать себя в качестве строителя, звукооператора, бармена, бухгалтера, снабженца, организатора досуга. Мы обрели тысячи новых друзей, постоянно ощущаем ни с чем не сравнимое чувство благодарности людей, которые проводят у нас вечера...**

Что ж, подумал я, пярнуские энтузиасты заслужили патент на социальное изобретение. Человеку для самоутверждения необходимо «примерить» на себя несколько социальных ролей. И самая интересная, самая выигрышная — роль социального творца. Две молодые пары из Пярну создали уникальное объединение, смысл которого — самодеятельное любительское творчество. Базой в данном случае стало кафе на семейном подряде. Впрочем, база могла быть и иной. А главное тут определяет цель: участвовать в идущей в стране перестройке не на словах, а на деле.

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент
«Смены»

ИЗГНАНИЕ ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА

ДЕВЯТЬ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ ОКАЗАЛИСЬ
НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ СВОИМИ ВОСПИТАТЕЛЯМИ. КАК МОГЛО

Письмо на шести листах, вырванных из ученической тетрадки в клеточку, написано наспех, с ошибками. Шестнадцатилетний паренек пишет, что директор и завуч ростовского детского дома № 10, где он воспитывался, не дают ему учиться в восьмом классе, вместе с другими семиклассниками отправляют в ПТУ. Был он и в горно, и облоно — безрезультатно. «Ради 8-го класса я ночевал на крышах, чердаках...»

Поначалу просто не верилось, что все это правда. Ведь в ПТУ принимают после восьмилетки? И как можно запретить человеку учиться? А потом эти «крыши», «чердаки»... Вымысел? Розыгрыш? Но под письмом 16 подписей, хотя писал-то один — Саша Петрунько.

В Ростовском обкоме ВЛКСМ первое, что я услышал, — сказано это было бодрим, не допускающим и тени сомнения голосом: «Детские дома у нас вниманием не обделены. Недавно на расширенном бюро рассматривались нужды детских домов и школ-интернатов». Однако никто из обкомовцев не мог ответить, что же произошло в детдоме № 10.

— Все было хорошо, — говорила Ирина Семенченко, секретарь Первомайского райкома ВЛКСМ (детдом находится в этом районе), — но в сентябре туда пришел новый воспитатель — тут и началось! Пошли письма, жалобы... Мне кажется, кто-то хочет добиться своей цели руками ребят.

— Какой цели?
— В том-то и загадка. — Ирина многозначительно умолкла.

— А может быть, он не нашел контакта с коллегами? — предположила Наталья Елисеева, заместитель заведующего отделом учащейся молодежи обкома комсомола.

Компетенция на уровне слухов. А ведь эти комсомольские работники курируют, опекают детские дома. Какое же ребятишкам-детдомовцам при таком «внимании»? Зато как вольно и глубокомысленно судят «комсомольские богини» о новом воспитателе — человеке, которого знают лишь понаслышке. Неужто и другие вопросы воспитания детей-сирот они решают с подобной легкостью?

Детский дом № 10 — серое, невзрачное здание, бывшая школа. А внутри свежие краски, блеск паркета, дорогие ковры. Все это плоды трудов директора детского дома Борисенко. Второй год он в этой должности, но сдвиги заметны. «Значительно укрепил материальную базу», — сказали мне о нем. Да и сам Сергей Александрович не скрывает, что забота о чистоте, уюте у него на первом месте.

— Для меня ковровая дорожка — категория нравственная, — сказал он.

Можно только порадоваться крепнущему достатку в детском доме. Но сейчас, осматривая его, думаю о другом: а уютно, тепло ли тут ребятам? Ведь не от хорошей жизни написали подростки в редакцию.

— И ради этого вы ехали сюда? — удивляются мои собеседники. — Стоит ли ворошить старое? Да, было нарушение, когда семиклассников отправили в ПТУ, но и директор, и завуч (она сейчас работает в школе-интернате № 28) за это наказаны.

Хочется воспитателям поскорее забыть все, что происходило в детском доме прошлым летом, выдать это за досадное недоразумение, за маленькое пятнышко на большом чистом ковре. Впрочем, до летних ли впечатлений им? Куда больше занимает другое событие, как гром грянувшее в середине декабря: тот же Саша Петрунько и еще четверо ребят обратились с письменными заявлениями в Ростовский горком КПСС. Этот скандал уже не заметить: ЧП в масштабе города, как выразился директор Борисенко.

— Начал этот конфликт я. — Саша Петрунько то и дело поправляет очки, волнуется. Светловолосый, голубоглазый, с мягкой, застенчивой улыбкой.

...Последний месяц летних каникул. Намотавшись за день, Саша украдкой пробирается на крышу девятиэтажного дома, влезает в спальный мешок и долго лежит, не засыпая, глядя на звезды.

О чем думает шестнадцатилетний паренек, оставшись один на один с мирозданием? Саша думал о своей сиротской доле. Во всем свете у него единственный родной человек — сестра, да и та неизвестно где. Три года он жил в этом ростовском детдоме, еще раньше — в таганрогском. А теперь, когда впереди замаячила долгожданная взрослая жизнь, понял, как глупо, бездарно растрачивал время: уже шестнадцать, а за плечами только семь классов. Вместо восьмого его направляют в ПТУ. Отдалялась заветная мечта: поступить в юридический институт, чтобы потом работать в угрозыске, бороться за справедливость. Кто поможет, у кого спросить совета?..

Директор детского дома, услышав Сашину просьбу оставить его в восьмом классе, покачал головой.

— Пора самому деньги зарабатывать. Да и поведение у тебя... — Борисенко испытательно посмотрел на подростка, — двоякое.

Саша, чуть не плача, просил верить ему, дал слово, что никогда больше не будет хулиганить, более того, сам возьмется за наведение порядка.

— Ладно, пиши заявление, — согласился директор.

Когда же Саша снова пришел к Борисенко, тот пошел на попятную: дескать, не уверен, что возьмут в школу.

— Но вы же обещали!

— Не все от меня зависит, — то ли объяснял, то ли оправдывался директор. — Вот выйдет из отпуска Нина Васильевна, еще неизвестно, как она на это посмотрит.

Завуч не в пример директору сказала, как отрезала:

— Никакой школы. Хватит сидеть на шее у государства.

До первого сентября оставалось шесть дней — Саша пошел в облоно. Его отфутболили в городской отдел на-

родного образования. Там он встретил директора и завуча детского дома. Отступить им было некуда. Нина Васильевна взяла инициативу в свои руки. Зашли к инспектору Г. Н. Скачковой.

— Ну, что ж, — сказала Скачкова. — Ты долго думал, а теперь я подумаю, как с тобой быть.

Но сколько можно ждать! Вместе с завучем — снова в облоно. Сначала Нина Васильевна заглянула в кабинет одна, вскоре пригласила и Сашу. Инспектор Э. И. Кириллова не скрывала недовольства:

— Почему ты плохо вел себя в детском доме? Почему раньше не хотел учиться?

В детдом возвращались на троллейбусе. «Разговаривали», — неохотно вспоминала Нина Васильевна. «Поговорили начистоту», — подтвердил Саша. Пассажиры, наверно, с изумлением оглядывались на строгую, средних лет женщину и невысокого, нескладного паренка в очках, который, раскрасневшись от возбуждения, что-то горячо доказывал. Саша пытался убедить Лесникову, как изменился он в это лето. Но чем больше говорил, тем яснее чувствовал: его не хотят понять. Тогда он сказал, что есть человек, который согласен взять его, Сашу, к себе. Можно сделать так: будет ходить в школу, а жить у того человека.

На такой вариант Нина Васильевна согласилась. Только никакого «человека» у Саши не было, просто-напросто он «сочинил» его. Прикинул: главное — пойти в восьмой класс, а ночлег где-нибудь отыщет — не привыкать!

Но все напрасно. Неведомая подростку бюрократическая сила вопреки его желанию привела Сашу Петрунько в ростовское ПТУ-19, где готовят рабочих строительных специальностей. Он сопротивлялся, как мог: не ходил на занятия, не ночевал в общежитии, хотя ему выделили место. Целых два месяца — с конца августа до конца октября — Саша ютился на чердаке пятиэтажки, в нескольких шагах от детского дома. Завуч распорядилась в детдом его не пускать.

Каждый день паренек приходил к детдомовскому порогу, и всякий раз его гнали оттуда, как бродячую собачонку.

Как назвать эту бессердечную операцию, которую провела администрация детского дома № 10? Оказывается, есть у нее название — «очищение». Не сам придумал — услышал в детдоме. Вроде бы то же самое, что и чистота. Но одно дело, когда выметают мусор, а тут ведь «выметаю» детей...

Выяснилось, что руководство детского дома намеревалось «сплавить» в ПТУ всех семиклассников — девять человек. Теперь, когда этот подлог раскрылся, все делают вид, что ничего не знали. «Получилось как-то стихийно», — не моргнув глазом заявляет бывший завуч Лесникова. «Спонтанно», — вторит ей директор Борисенко. «Это прошло мимо нас», — разводит руками заместитель заведующего Ростовским облоно В. Е. Зарайченко. (В скоб-

ках замечу: при этом разговоре в облоно присутствовала и инспектор Кириллова, та самая, к которой обращался Саша еще в августе. Однако Элла Ивановна, сохраняя завидное спокойствие, предпочла не вспоминать о визите Петрунько.)

Диву давшись, слушая подобные объяснения. И это педагоги?! Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, что ждет без опеки не оперившихся на первых порах детдомовцев. Все равно что бросить не умеющего плавать человека в открытое море.

— Спихнули ребят нам, — с готовностью соглашается директор ПТУ-19 Н. А. Джегунцов.

— Мы объясняли воспитателям, что не имеем права брать семиклассников, — говорит заместитель директора ПТУ С. Е. Трофимов. — Но они взмолились: «Возьмите, а то они нас поубивают».

— Это же переростки, — подхватил другой зам, А. И. Курячий. — не хотят учиться. Они бы пережились в своем детском доме.

«Добрые тети» из детдома поплакали в жилетку «добрым дядям» из ПТУ, и все вместе забыли про закон. Логика горе-воспитателей ясна: зачем учить детдомовцев, которым так трудно прививать тягу к знаниям; проще спихнуть их «дяде», то бишь в какое-нибудь строительное ПТУ. Ну, а у «дяди» своя выгода. Известно, с каким трудом комплектуются эти училища. Не потому ли тут и закрывают глаза на нехватку школьного образования?

Переростки... Но вот в кабинет, где мы беседовали с руководителями ПТУ, входит Света Алешина, симпатичная девушка в форменном костюмчике. Ей только этим летом исполнится пятнадцать. Какой же она переросток?

— Нравится тебе в училище? — спрашиваю ее.

Пожимает плечами, улыбается, молчит.

— Тяжеловато им, конечно, — вздыхая, говорит В. Ф. Ожогина, старейший мастер училища. — А помощи никакой. И завуч, и воспитательница обещали приходить сюда каждый день, да где там... Валентина Филипповна махнула рукой.

— А сама в детдом наведываешься? — опять вопрос к Свете.

— Нет. — Улыбка сходит с ее лица. — Ни с кем не хочу встречаться.

«Никого не хочу видеть» — это слова другой воспитанницы. С ней мы разговаривали в городской больнице № 8, куда она попала для искусственного прерывания беременности. Не буду повторять, как мне обрисовали Лену директор и некоторые работники детского дома, — стыдно не за нее, а за тех, кто считает себя воспитателем. Скажу только: в том, что случилось с пятнадцатилетней девочкой, они видят некую врожденную, неведомую пока науке склонность к определенному рода «приключениям».

Кто спорит, наши знания о юном человеке нуждаются в углублении. На-

ТСТВА

БРОШЕННЫМИ СЛУЧИТЬСЯ ТАКОЕ?..

верно, нет сегодня более трудных подростков, чем детдомовцы. Изломанные судьбы, изломанная психика. Наука, безусловно, должна помочь. Но еще важнее тут человеческая доброта, понимание. Ведь воспитатели имеют дело с конкретными ребятами, с их реальными, вполне объяснимыми запросами и желаниями. А послушать иных наставников (нечто стоящее я и услышал в детдоме № 10), так почти все их питомцы — или законченные преступники, или распутники.

Сидя в приемном покое больницы, я ждал встречи с Леной. В двери показалась невысокого роста, широколицая девочка в больничном халате. Впрочем, девочкой ее уже не назовешь. Передо мной была юная женщина, в которой то светилась, то угасала радость обретенного и вмиг утраченного материнства.

— Я видела его... Мальчик... Синенький такой... — Лена улыбалась, а в глазах ее стояли слезы.

Она одна из тех семиклассников, которых пытались «передать» в ПТУ. Оказавшись «за бортом», девочка не знала, куда ей деться.

— Я и раньше убегала из детдома. — рассказывает Лена. — Почему? Неумная была. Все из-за Хохлова и Тришиной, они «держали центр» в детдоме. А тут Нина Васильевна сказала: если хочешь работать, мы тебя устроим. Я согласилась. После седьмого класса мы поехали в город Шахты, в строительное ПТУ № 36. Мальчишки пошли на каменщиков, девочки — на маляров-штукатуров. Из нашего класса со мной были Анжела Саакова, Наташа Щербакова, Валя Пономарева... Никаких документов в детдоме нам не дали. Сказали только: если кто будет спрашивать, говорите, что окончили восьмилетку.

В Шахтах я жила несколько дней в общежитии. Сначала была одна в комнате, потом ко мне пришла Валя Пономарева. Училище хорошее, но были там девочки... ну, такого легкого поведения. Ушла я оттуда. Написала заявление, что хочу работать в пионерлагере. Меня отпустили. Приехала в «Пилот», весь день пробыла с нашими малышами. Рядом, в соседнем лагере, был Жук, воспитатель из детдома... К нему почему не обратилась? Бесполезно. Моя жизнь его не волнует — в этом я еще раньше убедилась... Из пионерлагера поехала к своей сестре, в поселок под Июшкар-Олой. Пошла работать в колхоз. Так и жила там до конца августа. Тогда же познакомилась с Володей, поверила ему...

А тому, между прочим, 26 лет, был женат, платит алименты на троих детей. Он и Лене обещал жениться. Из-за этого она поссорилась с сестрой и вскоре, как бывало, ушла куда глаза глядят. В Июшкар-Оле попала в детприемник, а при медобследовании обнаружилось, что она беременна.

Лена вернулась в детдом осенью. Ее тайна каким-то образом стала известна всем. Ребята не давали ей проходить, дразнили, смеялись. Воспитатели смо-

трели с осуждением. Жизнь в детдоме стала настоящей пыткой. Дошло до того, что перед Новым годом Лена сама попросила закрыть ее в изоляторе, чтобы никого не видеть и не слышать. Через неделю-другую она выпишется из больницы. Что же дальше?..

— Пойду работать, — как о чем-то давно решенном сказала Лена. — А когда получу паспорт, уеду. Пока не знаю, куда. Но возвращаться в детдом... Ни за что!

Чем глубже вникал в эту историю с семиклассниками, тем больше удивлялся поразительной беспечности должностных лиц — взрослых людей, которые без малейших колебаний отпустили 14—15-летних подростков на все четыре стороны. А сейчас как ни в чем не бывало заявляют: «Хотели, чтобы ребята быстрее встали на ноги». А если бы на месте Лены, Светы, Саши были их собственные дети? И тогда все решалось бы легко и просто: с глаз долой и живи, как знаешь? Не думаю. Почему же в случае, когда фактически произвол судьбы были брошены сироты, воспитатели, отвечающие за их жизнь и здоровье, могли спать спокойно?

Опасаться за себя педагогам не пришлось. Наказаны, как уже говорилось, лишь непосредственные исполнители «эксперимента» — директор и завуч детдома. А воспитатели? А школьные учителя? А работники горно и облоно? Они, кажется, не испытали и того, что зовется легким испугом.

А главное — сделаны ли из случившегося педагогические выводы? Что изменилось в нравственной атмосфере детского дома, куда не желают даже наведываться недавние воспитанники?

Но сначала расскажу, как слез с чердака Саша Петрунько. О его местонахождении знали многие ребята из детдома. Не знали только (или не хотели знать) их воспитатели да преподаватели ПТУ-19.

В сентябре в детдом пришел новый работник — Владимир Александрович Бабушкин, подозрительный, с точки зрения чиновников от педагогики, человек. Сами посудите: ему 38 лет, специалист в области медицины, имеет научные публикации в отечественных и зарубежных изданиях — и вдруг разом бросает прежнее дело, просится рядовым воспитателем в детский дом. И ведь чем козыряет! «Люблю, — говорит, — детей. Хочу быть нужным сиротам». Такими аргументами ростовских наробразовцев не прошибешь. Они и сами не прочь порассуждать о любви к детям, о загадках детской души.

Полгода Бабушкин обивал пороги горно и облоно. Думал, самое трудное позади. Ошибался: его ждали жестокие испытания.

С воспитанниками, особенно мальчишками, Владимир Александрович сразу нашел контакт. Заслышав шум мотора потрепанного «жигуленька», на котором приехал на работу новый воспитатель, они как горох высыпали навстречу. Никаких секретов от Владимира Александровича у них не было. Рассказали ему и про Сашу Петруньку.

— Это правда, что ты ночуешь на чердаке? — спросил воспитатель, как только Саша появился во дворе детдома.

— Правда. — Мальчик без утайки выложил все. Показал свои письма в разные инстанции, в том числе и в «Министерство детских домов» — думал, есть такое.

— Езжай в общежитие, я постараюсь тебе помочь, — сказал он Саше.

Бабушкин открыто встал на защиту законных прав Петрунько, посягнув на «святыню святынь» детдомовского уклада, к которому привыкли воспитатели. Здесь, заметила секретарь Первомайского райкома КПСС Л. Н. Шулепова, столкнулись два педагогических направления: традиционное и новое, пока еще не всеми признанное. Сначала я соглашался с Ларисой Николаевной,

но вскоре увидел: какие же тут два направления? Столкнулись педагогика и антипедагогика — бездушная, недальновидная метода, для которой важно одно: чтобы все было «так, как надо».

— Что мы, изверги какие? Мы только требуем порядка, — выговаривала мне воспитатель Кучма.

В самом деле, не сгущают ли краски? Ведь речь идет о педагогах, которые работают не год и не два. О каждом из них можно услышать немало хорошего. Та же Евгения Павловна Кучма, например, удочерила свою воспитанницу — той сейчас уже девятнадцать. В то же время с какой горячностью, с каким чувством собственной непогрешимости говорила она о Саше Петрунько: он-де такой-сякой, не место ему в детдоме. Да и вообще, считает Евгения Павловна, без строгости, без жесткой дисциплины с такими детьми нельзя, а потому действий Бабушкина она не одобряет.

Да, строгость — каркас порядка, о котором много говорят в детдоме № 10. Дети тут должны ходить по струнке. И впрямь малыши — само послушание. Но, подрастая, ребята становятся неуправляемыми, начинают бунтовать, отбиваются от рук. Хваленая педагогическая строгость на практике по минутно срывается в крик, утрачивается в нудных нотациях.

Обратная сторона такого порядка — показуха. Она вошла в плоть и кровь не только воспитателей, но, что самое страшное, и детей. Первое движение ребят, когда входишь к ним в спальню, — разглаживание складок на постели. А этой холодной зимой детишки подолгу мерзли на улице — ждали высокую комиссию. В дом их не пускали, боялись, как бы они не испортили «марафет».

И вот среди этого «божественного» порядка появляется воспитатель, который разрешает детям бегать по коридору и сам — о ужас! — носит с ними, как мальчишка. Иногда он привозил в детдом свою черную лопоухую собаку по кличке Лой — ребяташки визжали от восторга.

Такая вольность оскорбляла все существо завуча Лесникова, фактически единовластной хозяйки детдома. Она не представляла, как можно нарушать режим, общаться с детьми без строгости, не соблюдая дистанции. Сама она была грозой для всех, говорила безапелляционно. «с металлом в голосе». Дети ее боялись.

Масла в огонь подлило то, что вслед за Бабушкиным в детдом пришел педотряд, которым руководит жена нового воспитателя — Татьяна Викторовна, сама педагог и по образованию, и по призванию, создатель некогда знаменитого клуба «ЭТО» — «Эстетика, творчество, общение» («Смена» рассказывала об этом клубе в №№ 18, 20, 21 за 1981 г.). В отряде люди разные по возрасту и профессиям. Главное, чего они хотят, — разбить заскорузлую детдомовскую замкнутость, дать ребятишкам возможность испытать радость общения, творчества. Педотрядовцы устраивали для детей театрализованные дни рождения, читали малышам перед сном сказки...

Неужели кто-то против? Увы! И директор, и завуч считали, что члены педотряда — люди в детдоме **посторонние**, поэтому обязаны подчиняться установленному порядку, а не перерачивать все «с ног на голову». Детский дом, дескать, — учреждение закрытого типа, вход сюда посторонним ограничен. Лесникова рекомендовала педотрядовцам сократить число проходящих до трех человек. Да и кто они, эти добровольцы? Как истинный блюститель порядка, Нина Васильевна требовала от каждого члена педотряда характеристику с места работы или учебы. Тот факт, что педотряд действует под эгидой Ростовского горкома ВЛКСМ, для нее ничего не значил. С гордым, неприступным видом завуч

молча следовала за «посторонними» и фиксировала каждый их шаг в своем кондудите.

Тучи над головой Бабушкина — именно в нем видели источник всех бед — сгущались. Друзья-мальчишки решили, что настало время им самим защищать воспитателя. Вот когда Саша Петрунько (благодаря Бабушкину он вернулся в школу и в детдом), другие мальчишки пошли со своими письмами в горком КПСС. Ребячья заявления попали на стол к секретарю горкома партии Л. Г. Каймакчи.

— Больно читать эти письма, — говорит Людмила Григорьевна. — Я сама когда-то училась вместе с детдомовцами, знаю, как восприимчивы они к малейшей несправедливости. На другой же день поехала в детдом. Долго беседовала с ребятами, с воспитателями. Наверно, не все однозначно в работе супругов Бабушкиных, но тот махровый формализм, который процветал в детдоме, терпеть нельзя. Пора нам повзрослее взглянуть на многие проблемы воспитания детей-сирот.

О счастливым финале говорить рано. Кто-то упорно утверждает, будто Петрунько, другие «ходоки» действовали с ведома Бабушкина, чуть ли не под его диктовку писали свои письма. Имеются доказательства? Ничего подобного — одни домыслы. Однако, как ни странно, все эти измышления получили ход: прозвучали на расширенном собрании педколлектива, занесены в протокол.

«Прекрасно понимаю, что у коллектива есть мнение, что я направляю детей, — привожу слова Бабушкина по протоколу. — Даю вам честное слово, что это не так».

И что же?.. Те же сплетни я услышал, беседа с воспитателями детдома. Никак не хотят они признать очевидную истину: не чей-то злой умысел, а они сами, их «педагогические» приемы породили конфликт, в который втянуты и взрослые, и дети.

Детдом раскололся на две части: одни — за Владимира Александровича, другие — за Нину Васильевну. Кажется, конца не будет этому бессмысленному, опасному раздору.

— В чем, собственно, моя вина? — недоумевает Лесникова. — Разве семиклассники не устроены? Единственная ошибка, что я не согласовала этот вопрос с облоно. — Помолчала и с тем же пафосом продолжала: — Режим есть режим. А что нового принес Бабушкин?..

Теряешься перед таким напором. Но это лишь эмоции. Вернемся к фактам. Парень два месяца ночевал на чердаке. Пятнадцатилетняя девочка попала в больницу. А еще — горькая, недетская обида, оставшаяся, может быть, на всю жизнь... Разве это не прямое следствие того «очистительного» порядка, который насаждала и рьяно отстаивала Лесникова?

...Каждый знает: память о доме, где тебя любят и ждут, прибавляет силы, не дает потеряться в жизненном водовороте. Своей неумной строгостью, бесцеремонностью, незаконными «благодеяниями» воспитатели отпустили от детдома не одного воспитанника. А это значит, что юный, слабо подготовленный к самостоятельной жизни и в общем-то одинокий человек лишился крова, дома, где он рос, куда он может, но вряд ли захочет вернуться.

«Они устроены», — говорят о семиклассниках. Правильно, ребят кормят, одевают, обувают, учат ремеслу. Но остается душевная неустroенность. Когда любое дело валится из рук, когда появляется озлобленность на себя, на людей, на весь мир. Разве не вправе мы предъявить этот счет педагогам?..

Рано подводить итоги педагогическим усилиям Бабушкина. Однако уже сейчас он вносит в детский дом то, без чего немислимо подлинное воспитание, — уважение к личности, человеческому достоинству воспитанника. Не о чистоте ковровой дорожки он печется — о чистоте детской души.

Сергей Лобов, недавний предводитель дворовой компании, гроза улицы, к своим пятнадцати годам числившийся хулиганом, о чем говорили неоднократные приводы в милицию за драки, после окончания восьмого класса был принят в девятое донецкое ГПТУ — одно из лучших в городе. Хлопотали об этом люди, неравнодушные к его судьбе, — и школа, в лице заботливой, сердобольной Клавдии Ивановны, классной руководительницы, и сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних.

В первую неделю занятий все было относительно нормально: бывали, правда, пропуски занятий, но зато ни одной хулиганской выходки. Хотя и преподаватели, и мастера говорили: груб, замкнут.

ЧП случилось в конце сентября: в сквере возле клуба его прежняя компания затеяла драку. В группе подростков был и Лобов. Возможно, все кончилось бы печально: исключение из училища с передачей дальнейших забот о Лобове милиции. Но... на следующий день после драки его вызвали в комитет комсомола училища.

— Воспитывать, — зло усмехнувшись, сказал товарищам Сергей. — Лапшу на уши вешать.

К его удивлению, секретарь комитета вместо занудных правильных слов задал Сергею неожиданный вопрос:

— Скажи, Лобов, ты знаешь, что в нашем училище есть эскадрилья «Орленка»?

— Ну... Слышал что-то.

— Вроде тебя интересует парашютный спорт?

— Так ведь туда принимают отличников всяких, этих... активистов.

— Для тебя мы сделаем исключение. Естественно, будут поставлены условия. Но это потом. Сначала побудь на первых занятиях... Может быть, тебе не понравится. — Секретарь хитро улыбнулся.

Из разговора с заместителем начальника Донецкого областного управления профтехобразования Владимиром Филипповичем АЛЕКСАНДРОВЫМ:

— Хочу подчеркнуть: с так называемыми «трудными» подростками надо уметь работать. А найдя ключ к их душам, не потерять его. Замечено: уже в первый год обучения в училище ребята меняются к лучшему. Но вот окончены занятия. Каникулы. Полтора-два месяца подросток предоставлен самому себе. Как правило, на это время он попадает — увы — в привычную среду, из которой мы парня вырвали с таким трудом, и в сентябре получаем его прежним «трудным». Все наши усилия сводятся на нет. Мы и задумались: как оторвать наших ребят от «улицы»? Так родилась идея создания юношеского учебно-спортивного авиационного корпуса «Орленок». У него, если так можно выразиться, три папы — обком комсомола, обком ДОСААФ и областное управление профтехобразования. Действует он на базе двадцати ПТУ города и области, занятия в нем рассчитаны на два года. В каждом училище — своя эскадрилья. А всего «орлят» в этих эскадрильях — от шестисот до тысячи.

...Сергея поразил уже сам класс, где проходило первое занятие. Все здесь было настоящим: и авиационный мотор в разрезе, чтобы видеть его внутреннее устройство, и парашют, аккуратно уложенный и перетянутый ремнями.

— Сегодня мы рассмотрим устройство самолета Ан-2, — говорил преподаватель, — его поведение в полете, возможности маневрирования, критические допуски скорости и высоты. Ведь именно с Ан-2 вам предстоит совершить свои первые прыжки...

На следующий день Лобов пришел в комитет комсомола.

— Я согласен, — сказал он.

— Отлично, — кивнул секретарь. — А теперь наши условия. Впрочем, они из-

СМЕНА

Игорь МИНУТКО

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

МОЯ
Не игру, а настоящее, мужское
юношеское

И НЕБА

дело предлагают трудным подросткам в донецком
авиационном корпусе «Орленок»

ложены в присягу. Вот — В руках Сергея оказался лист с текстом, отпечатанным на машинке.

Присягу «орлят» Лобов выучил и перед строем своей эскадрильи отработал, особо не вникая в слова, а из смысла — Все повторяют, ну и я Надо выучить? Пожалуйста!

Он не знал, что скоро присягу повторит на огромной сцене Дворца культуры и спорта «Юность». Он естественно не знал и того, что каждый год шефский совет корпуса «Орленок» проводит конкурс на лучшую эскадрилью, а итоги подводятся на торжественном вечере именно во дворце «Юность», который донецкая столица подарила своим детям.

Сергей оказался в сверкающем зале, вышитом «орлятами» в парадной форме: голубые под цвет неба, куртки, штаны, рубки и брюки, голубые береты, и такая же форма была на нем, совсем новая, и он вроде бы поначалу чувствовал себя в ней неловко. Но вокруг были ребята в такой же форме, и она соединяла их, спланивала. А на сцену под звуки оркестра торжественно внесли знамя корпуса «Орленок» и девушка с копной светлых волос — Сергей видел ее на занятиях по укладке парашюта — зачитала рапорт знамени тому земляку дончан космонавту Георгию Тимофеевичу Береговому, почетному командиру корпуса «Орленок».

— А сейчас... — звучал голос в наступившей тишине. — у эскадрильи училища номер девять новое пополнение. Попрошу на сцену.

Сергей с несколькими своими товарищами («Почему же пригласили не всех кого приняли?» — в смятении подумал он) оказался на сцене.

Его ослепил яркий свет, казалось, зал потонул в полумраке, где лица, лица, лица и все смотрят на него.

— Присяга «орлят»! — торжественно прозвучало в зале. — Повторяйте за мной!

И голос Сергея влился в взволнованные голоса товарищей.

— Я юный авиатор, вступая в ряды донецкого юношеского учебно-спортивного корпуса «Орленок», перед лицом своих товарищей торжественно объявляю...

Сергей не помнил, как оказался в зале, со всех сторон тянулись дружеские руки, его поздравляли, хлопали по плечу.

Однако прежняя жизнь не хотела легко его отпускать.

Как-то в воскресенье собралась в подъезде его прежняя компания.

...ло, хлопцы, — сказал Сашка Воронков по прозвищу «Ворон», — сообразим? Рупь имею! Кто больше?

«Я не буду» — хотел сказать Сергей, но промолчал. «Что они подумают? Стал «маменькиным сынком» идейным?»

«Сообразили» купили три бутылки дешевого вина и распили в том же подъезде, «закусив» сигаретами. Нет, ЧП не случилось. Просто бестолково, громко спорили (о чем — потом вспомнить невозможно), горланили похабные песни.

О, ЭТОТ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ МИГ: БРОСОК В СЛЕПЯЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО НЕБА, СВОБОДНОЕ ПАРЕНИЕ, РЫВОК КОЛЬЦА! ДАЛЕКАЯ ЗЕМЛЯ, ЛЕТЕВШАЯ НАВСТРЕЧУ, ПЛЫВЕТ К ЛИНИИ ГОРИЗОНТА, А НАД ГОЛОВОЙ ЯРКИЙ КУПОЛ, И ТЫ СКОЛЬЗИШЬ В ВОЗДУХЕ, В ГОЛУБОМ ОКЕАНЕ...

ЗАКОНАМИ ВЕЧНОСТИ

лушивать по телефону и читать в письмах от тех, против кого он направлял свое перо, но это только разжигало в нем страсть. Он никогда не отступал.

В одном из своих последних выступлений в «Литературной газете» Богат признался, что оставляет работу в жанре судебного очерка: устал. Борьба со злом выматывает бесконечно. Однако своего обещания он не сдержал — защищая справедливость, написал еще несколько судебных очерков. Потому что не мог молчать.

Мне повезло: я учился у Богата. В начале восьмидесятых при «Литературной газете» открылась студия молодых публицистов. Пройдя ступени конкурса, я попал в семинар Евгения Михайловича. Два года общения с Мастером — с этим не сравнится обучение ни в одном университете.

В прошлом году на вечере в ЦДЛ, посвященном памяти Евгения Михай-

ловича Богата (1921—1985 г.), я услышал прочитанную кем-то из выступающих фразу из его блокнота, и она врезалась мне в память. «Человек должен жить по законам вечности, ибо он не вечен. Если бы он был вечен, то мог бы позволить себе роскошь жить по законам мгновения».

Богат знал, что жизнь мимолетна, потому и жил по законам вечности.

После его смерти осталось не много исписанных блокнотов: он почти не делал записей. Свои очерки — от начала и до конца — он диктовал и потом уже практически ничего не правил. Такой у него был склад ума.

В предлагаемой подборке — мысли Евг. Богата о нравственности и о любви. Это нельзя читать торопливо, быстро. Каждая фраза требует спокойного осмысления.

Юрий РАГОЗИН

дей. И вот когда в этой серии начнут выходить том за томом, мы и поймем, что людей незамечательных нет.

Не было эпох, когда не было бы универсальных людей. Человек универсален изначально как человек. Если бы мы верили в бога, то добавили бы: человек универсален как замысел о человеке.

Судить людей надо или по абсолютным нравственным нормам или по нормам времени, в котором они живут. Но не по нормам времени, когда живем мы.

Любое возрождение — это возрождение человеческого в человеке. Но разве это человеческое когда-либо умирало, чтобы нужно было его возрождать? Оно не умирало — оно отчуждалось, оно было и его не было.

Личность означает не нечто единичное, но нечто единственное.

Я думаю, что не случайно во все века люди мудрецам поклонялись больше, чем мыслителям. Мыслитель рождает новые идеи, которые, бесспорно, участвуют в переустройстве мира. Мудрец непосредственно переделяет, переустраивает жизнь в согласии с тем, как понимает смысл человеческой жизни. Философ ищет этот смысл, и сам его поиск бесконечно ценен, хотя иногда не увенчивается успехом. Мудрец находит этот смысл, не мудрствуя, а тихо, скромно осушая болота.

Можно осилить и законспектировать сотни книг мудрецов и мудрецов не стать. И, не раскрыв в жизни ни одной, жить мудро. Жить мудро. Понимать цену вещам и событиям. Мудрость — понимание истинной и неистинной ценности.

Чувство вины говорит об особой структуре души, это особый дар — человеку кажется, что он дал миру, одарил его меньше, чем мог. Это дар — сосредоточенности не на себе, а на мире, который ты улучшил меньше, чем это было в твоих силах, что-то зарыл в землю, не выявил, не вернул людям сторицей.

Философский образ жизни — это, наверное, в первую очередь высокая мера взыскательности к себе самому

и какая-то естественная, непоказная несуетность. Это отсутствие «бегущего» взгляда на обстоятельство и вещи. Это понимание того, что жалеть себя, может быть, самое постыдное для человека чувство и дело. Это понимание — полуправда, которой мы порой тешим нашу совесть, страшнее лжи...

Особенность нравственных истин в том, что открыть и понять их гораздо легче, чем жить по ним. Вторая особенность нравственных истин: если человек думал и страдал сам — то открытие того, что было открыто раньше, все-таки нужно, — это не «изобретение велосипеда», это подлинное открытие.

Ум и сердце с веками менялись. Сердце становилось все более синтетическим, а ум все более аналитическим.

Все великое входит в жизнь вешно, точно стыдясь себя самое.

Развитие и обогащение стилей — это развитие и обогащение духовной жизни поколений, веков. Сопоставляют капитали колонн, формы барельефов, появление пейзажей и натюрмортов и т. д. А за всем этим нечто более существенное: перестановка, изменение частей человеческой души, обогащение ее или обеднение, то есть если стиль как понимание системы художественной выразительности в тех или иных искусствах — Зеркало, то духовная жизнь людей, меняющих стили, — Зазеркалье. Стоя перед Зеркалом, будем думать о Зазеркалье.

Стили в искусстве меняются по мере изменения духовной жизни личности.

Энциклопедизм — уютен. Даже читая о Дидро, чувствуешь уют парижских салонов, увлекательных бесед, очаровательного общения с умными женщинами. Универсализм — неуютен, это сам неуют, это расплазнутость во Вселенную, это Рильке, закрывающий собой амбразуру, через которую должны ворваться в нашу обыденность кометы и, может быть, даже созвездия. Универсализм — трагичен. Любой универсальный человек бросает вызов миру.

Пожалуй, одно из самых трагических несовершенств — несовершенство человека.

Сократ догадывался о трагической возможности отчуждения сил, заложенных, но не раскрытых в человеке. Может быть, его и казнили именно потому, что торжество сократовской мудрости вело к иному типу цивилизации, цивилизации как развитию духовных сил в человеке. Прадеды и деды будущих ученых поднесли чашу цикуты мудрецу, который понимал всю трагичность торжества науки. Потом ученых посылали на костер. С Сократом поступили более милосердно. Может быть, не будь этой чаши цикуты, сегодня бы и не было «термоядерной ситуации», в этой чаше были, когда он ее выпил, все тироксы и нагасаки будущих тысячелетий.

Чувство опасности лишь в ситуации известного комфорта содействует проявлению характеров и страстей, оптимальных для развития искусств, то есть переплавляет характеры и страсти в художественные общечеловеческие ценности. Повседневные казни, четвертования, вахханалия заговоров и убийств исключают из жизни условия, необходимые для творческого самовыявления личности.

Сегодня существует не коллективный психоз, как во времена «охоты за ведьмами», а манипуляция психикой, что носит не трагический, а трагикомический характер. Мы закрыты друг для друга в общении, но открыты настежь для действия извне!

Надо ввести науку в систему большой культуры, что повысит качество нравственной ответственности.

Вопрос о смысле жизни из академического стал «кровотокающим», перекочевал с кафедр в сердца. Образ человека несводим к книгам, системам, формулам, открытиям, он несравненно богаче и разнообразнее. Он несводим к музеям, даже если это Эрмитаж, он несводим к книгам, даже если это книги Льва Толстого, он несводим к формулам, даже если это формулы Эйнштейна, и к открытиям науки, даже если это открытия Коперника. Он — вечно развивающаяся совокупность с миром, таинственное целое, не охватываемое мыслью, и лишь иногда — чувствами. Это именно тот абсолют, «сообщаемость» с которым сообщает отдельной личности ощущение смысла жизни. Ни в одну эпоху человечество не понимало себя столь хорошо в минувших возрастах и столь мало в возрасте сегодняшнем. Бахтин, наверное, понимает Рабле лучше, чем современники Рабле понимали его романы. И Гамлет понят глубже, чем понимали его зрители Глоубуса. И античный мир осознан Андрэ Бонаром, автором трезотомного исследования «Греческая цивилизация», лучше, чем эта цивилизация осознавала себя... И никогда — при этом великолепно ретроспективном постижении — человечество не разбиралось в себе столь же растерянно, неполно и неточно, как сегодня. Страшный

возраст: поток воспоминаний, осознаваемых с ослепительной четкостью, нахаживает или в момент... чего?! А может быть, «оргия» современной цивилизации обещает рождение не «локальной» (как бывало раньше), а мировой, единой (как не бывало никогда) культуры? И в этом играет известную роль наше «повседневное поведение».

...Одна из интересных ошибок сегодняшнего сознания в том, что оно видит современный мир как совершенно новый. Никогда еще в мире не нарождалось настолько мало новизны — в высшем, творческом понимании новизны, как сегодня. Идет лишь передвижение и перераспределение «частей».

Открытие атомной энергии изменило картину войны и мира, подобно тому, как изменило ее некогда изобретение пороха. Любопытно, что порох первоначально служил увеселением — для фейерверка! — и только потом стал оружием. Может быть, атомная энергия, начав с оружия — с бомбы, — тоже кончит неслыханными увеселениями?..

Думал о Паскале. Бывают эпохи, когда порядочный человек равен универсальному человеку.

Путь Паскала — путь к порядочному человеку в наивысшем нравственном смысле этого понятия. Почему в человеке — существо несовершенном и конечном — живет чувство совершенства и бесконечности? Тут даже существует некая парадоксальная на первый взгляд зависимость: чем сильнее чувство бесконечности и совершенства, тем явственнее и понимание собственного несовершенства и собственной конечности. В редкие минуты озарения перед великими полотнами и статуями античности собственное «я» замирает и тушится, как бы растворяясь в чем-то надличном, чтобы потом опять с еще большей настойчивостью напомнить о «личном».

Человек может вдруг вспомнить все — в миг величайшего подъема духа и радости или в миг, когда его жизни вдруг угрожает опасность, в последний миг. Он может вспомнить все перед восхождением и перед нисхождением, перед высшим бытием и перед небытием. Два синтеза. Один, условно говоря, оптимистический, второй — пессимистический. Ощущение огромного богатства: в момент творчества новых форм бытия и в момент разрушения всех форм и самого бытия.

Может быть, электронно-вычислительные машины — аналог египетских мумий: они тоже рождены мечтой о бессмертии.

Жизнь человеческой души начиналась в мифах, возможно, мифами она и завершится, когда погаснет солнце. О чем будут последние мифы?..

1970—1980-е годы

Публикация
Ирины БОГАТ.

В аляется на диване платье. Материя, не более того. Но, надевая его на себя, мы приобретаем своего рода вторую кожу. И она с нами, она часть нас, она имеет отношение к нашей духовной сути.

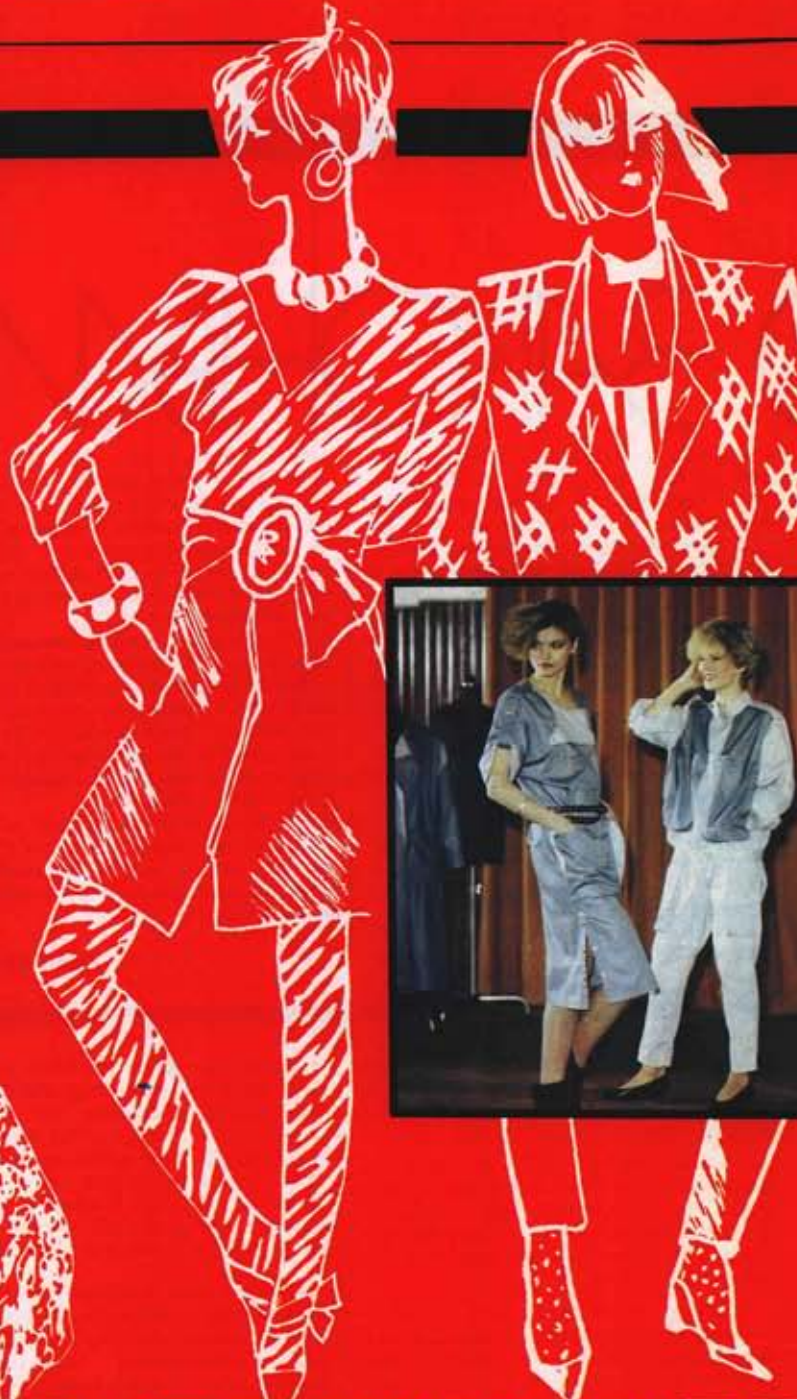
Здесь нет никакого фокуса, никакой магии. Просто мы сами своим выбором, своим отношением к той или иной вещи придаем ей смысл, значение и цену, которых она, сама по себе, возможно, не имеет. Заявляя о своих привязанностях, вкусах, отношениях с другими людьми, мы и на вещи распрощаем свойства собственной личности.

Конечно, одежда создается не только для защиты от зноя и стужи, а часто единственно красоты ради, и это может быть главным ее назначением — сделать нас наряднее, красивее. Но вот вопрос: в какой ситуации — красивее? С какой целью — наряднее? Один вариант нарядного платья — для танцевального вечера, дискотеки, и совсем другой — для театральной премьеры. А свадьба? Свадебное платье — совершенно особый стиль, связанный с традициями, обрядом. Выпускное платье школьницы отличается от платья невесты и от комплекта для дискотеки. Все эти отличия могут показаться малосущественными, но именно они особенно важны — в моде оттенки значат чрезвычайно много.

Так, свадебное платье у нас тради-

солнечный, радостный цвет — считают цветом измены и даже... стыда и почему именно с зеленым нередко связывают надежды и больше того — оптимизм... Как бы то ни было, символика цвета в костюме существует, люди считаются с ней. Поэтому, если свадебное платье с учетом этой символики должно быть белым или красным, то другие варианты праздничных, торжественных и нарядных платьев непременно должны отличаться от свадебного. Представьте себе живую, интригующий мир дискотеки и попробуйте — хотя бы мысленно — вписать в него девушку в платье, напоминающем свадебное. Она будет выглядеть непонятным образом.

Одно время было принято делать нарядным, белым и платье для выпускного вечера, пока один мудрый человек не догадался спросить, что, разве это бал невест? А ведь правда — аттестат зрелости не имеет ничего общего со свидетельством

ВСТРЕЧАЮТ ПО

ционно белое — считается, что белый цвет символизирует нравственную чистоту, духовное начало, даже доброту. Но такие ассоциации возникают в связи с белым цветом далеко не у всех народов: в Индии, например, белый — цвет траура. Значит, эти представления в достаточной мере условны. Если еще как-то можно объяснить, почему с черным цветом мы связываем представления о скорби, зле, то вряд ли найдешь объяснения тому, почему с черным ассоциируют и материальное начало. Красный — цвет крови, должно быть, по этой причине символизирует жизнь, любовь, революционную борьбу. Но вряд ли кто сможет убедительно объяснить, почему желтый —

о браке и вечер выпускников — совсем иное действие, нежели свадьба.

Позже обнаружилась другая крайность: девочкам по случаю окончания школы родители стали шить солидные «дамские» туалеты, которые призваны были свидетельствовать скорее не о хорошем вкусе, а о том, что «им для детей ничего не жалко». Конечно, девочки стали взрослыми, окончили школу, но это не значит, что они должны одеваться так же, как их мамы. Опять нюансы, опять оттенки, которые отличают одно нарядное платье от другого, тоже нарядного. Эти отличия связаны с разницей в назначении того или другого платья и становятся конкретными, вполне определенными, стоит только сравнить ситуации, на которые они рассчитаны. Чем, по нашему мнению, должны отличаться платье для выпускного бала и платье для дискотеки? Мерой нарядности, ответите вы и будете правы, но только отчасти. Все дело в характере этой нарядности. На выпускном вечере, в присутствии учителей и родителей вы должны быть одеты строго-празднично, чуточку торжественно и в какой-то степени считаться с тем, что вы находитесь в официальном месте — в актовом зале школы. Есть много того, чего вы не можете себе позволить — глубокого выреза, каких-либо шокирующих отделок,

украшения, излишне ярких красок, броского макияжа. Даже брюки могут оказаться под сомнением.

Для танцевального вечера в дискотеке ваш наряд, напротив, должен быть эффектным, выделяющимся — иначе вы рискуете весь вечер простоять у стенки, вас никто не заметит и не пригласит танцевать. Рисунок современного танца читается лучше, и двигаться вам будет удобнее, если вы будете в брюках или платье, которое подчеркнет достоинства вашей фигуры, подаст ее в выигрышном свете.

Мы все заняты делом — кто учится, кто работает, и после трудов праведных у нас чаще всего не бывает возможности переодеться, чтобы потом в более нарядном виде пойти в театр или в гости. Мы выбираем

некий промежуточный, средний вариант: одеваемся на работу в меру нарядно, чтобы выглядеть более или менее уместно в деловой обстановке, и идем в театр слегка принаряженными, не слишком деловыми. Достигается это порой самыми простыми средствами — за счет красивого шарфа или модных бус, кружевного воротника с брошью или букетика цветов на лацкане пиджака. Небольшие акценты — и платье из скромно-будничного становится оживленно-нарядным. Акценты! Именно за счет умелой расстановки акцентов достигается максимальное соответствие одежды конкретной житейской ситуации.

Как важно знать назначение той или иной вещи и уметь использовать ее именно в той ситуации, для которой она создавалась. Тут есть случаи очевидные: вряд ли кому придет в голову ходить по улицам в купальном костюме, ночной сорочке или домашнем халатике. Но нередко мы можем встретить на улицах людей в тренировочных костюмах, которые можно носить разве только на стадионе или дома, ведь для этого — и только для этого! — они предназначены.

Еще более распространенной ошибкой является случайное сочетание в одном ансамбле вещей разного назначения — нарядное пальто и кроссовки, спортивная куртка поверх вечернего платья, праздничные, дорогие украшения на скромном деловом свитере и т. д.

Каждая новая мода дает возможность человеку оказаться на авансцене, на виду у всех. Если ты способен сыграть эту роль — пробуй. Возможно, это даст повод утвердить себя в качестве незаурядной, своеобразной личности. Но только не всякий выдержит это испытание. Свет юпитеров моды, как всякий яркий свет, легко ослепит все, чем ты обладаешь на деле, ибо мы судим о человеке по костюму только в самый первый момент. Потом жизнь начинает нас снабжать и другой информацией: мы видим поступки человека, узнаем о ходе его мыслей, перед нами обнажаются его нравственные качества, свойства его души.

любие, талант — позволит тебе занять среди сверстников то место, на которое ты претендуешь. Чисто утилитарная функция — удобство, например, или немаркость одежды — тут нередко отходит на второй план.

Форменная одежда, какую носят продавцы, стюардессы, железнодорожники и так далее, служит своего рода опознавательным знаком, выделяет специалистов из толпы — иначе не найдешь нужного тебе человека. Тут опять-таки совершенно сознательно уходит от индивидуальной характеристики личности. И личность проявляет себя — должна, во всяком случае, проявлять — только с профессиональных позиций. Форма как бы обязывает продавца быть внимательным с покупателем, и тот вправе требовать от продавца соответствия его профессии. Очевидно, поэтому так нелепо выглядит про-

казалось бы, ненадежный это способ — оценивать человека по тому, как он одет. И все же очень часто мы бываем правы в своих первых впечатлениях!

В свое время общественный акус был возмущен мини-юбками. Сколько вызвали они негодования у тех, кто считал себя хранителем нравственности, блюстителем строгой морали! Но сами по себе юбки, короткие или длинные, не имеют отношения к нравственности, мода — лишь форма, в которой могут проявляться те или иные отношения между людьми. Вольно или невольно люди используют одежду, к примеру, для выражения своих даже тщательно скрываемых сексуальных интересов. Специалисты моды и психологи называют это явление «эксплуатацией эрогенной зоны». Почти два столетия женщины носили глубокие декольте. И — пусть не удивляются строгие приверженцы морали — тем, кто осмеливался, например, являться в берлинскую оперу в недостаточно открытом платье, специальные служащие ножницами вырезали его так, чтобы декольте приобрело санкционированный общественной традицией размер.

Не меньше возмущение вызывало каждое новое появление в моде женских брюк. Когда лет десять назад (намного позже, чем предложил это Андрэ Курреж) брюки появились у нас, с ними боролись не менее рьяно, чем с мини-юбками, хотя они ничего не обнажали.

Самая нейтральная одежда — одежда форменная. Она отказывает человеку в индивидуальности, делает его одинаковым с теми, кто связан с ним определенной, общей работой. Одинаковым и равным со всеми. В этом в какой-то степени и преимущество школьной формы. Ты не имеешь возможности выделиться с помощью какого-то особенного, возможно, недоступного другим костюма. Только твои личные качества — ум, работоспособность, воля, трудо-

Фото Эдуарда КРАСТОВЕВСКОГО и Сергея КОНОПКИНА

Деформированное изображение-коллаж Ольги ПОЛЯНСКОЙ

КОСТЮМУ

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод»

давица, когда носит излишне много украшений, гримируется сверх меры. Она нередко забывает об общественной функции своей профессии. И у покупателя к ней меньше доверия: он не рассчитывает на внимание к своим будничным, прозаическим просьбам.

Как видите, сложна и многозначна наша одежда. Сколько разных обстоятельств приходится учитывать человеку, выбирающему нужный костюм! С вопросом, какого человека можно считать хорошо одетым, часто обращаются к художникам, специалистам по костюму. Пьер Карден ответил на этот вопрос так:

— Хорошо одетым можно считать человека, который считается с собой и с другими...

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ ВПЕРВЫЕ

Космонавт

Ю. Гагарину

Я первый смерил жизнь
обратным счетом,
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих. Я замер.
Мне показалось — я вернулся вдруг
В бездушие безвоздушных
барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим
и грузен,
И погружен в молчанье, а пока
Мехи и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память, как кнутом,
по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер,
который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него не тратят шрифта:
Запас заглавных букв — на одного.
Мы вместе с ним прошли
весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертил орбиту,
При мне его в лицо не знал никто.
Все мыслимое было им открыто
И брошено горстями в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.
Они все скоро на страницах прессы
Расскажут биографии свои.

Их всех, с кем вел
я доброе соседство,
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое босое детство
Обуют и в скрижали занесут.

Чудное слово «Пуск!» —
подобье вопля —
Возникло и нависло надо мной.
Недобро, глухо заворчали сопла
И сплюнули расплавленной слюной.

И пламя мыслей вихрем чувств задуло,
И я не смел или забыл дышать.
Планета напоследок притянула,
Прижала, не желая отпустить.

И килограммы превратились в тонны,
Глаза, казалось, вышли из орбит,
И правый глаз впервые удивленно
Взглянул на левый, веком не прикрыт.

Мне рот заткнул — не помню —
крик ли? кляп ли?
Я рос из кресла, как с корнями пень.
Вот сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.

Там подо мной сирены голосили,
Не знаю — хороня или храня,
А здесь надсадно двигатели взвыли
И из объятий вырвали меня.

Приборы на земле угомонились,
Вновь чередом своим пошла весна,
Глаза мои на место возвратились,
Исчезли перегрузки. Тишина.

Эксперимент вошел в другую фазу—
Пульс начал реже в датчике стучать.
Я в ночь влетел, минуя вечер, сразу—
И получил команду отдыхать.

Я шлем скафандра
положил на локоть,
Изрек про самочувствие свое,
Пришла такая приторная легкость.
Что даже затошнило от нее.

Шнур микрофона
словно в петлю свился,
Стучали в ребра легкие, звеня.
Я на мгновенье
сердцем подавился,—
Оно застряло в горле у меня.

Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вешу нуль — так мало, ничего!..

И стало тесно голосам в эфире,
Но Левитан ворвался,
как в спортзал,
И я узнал, что я впервые в мире
В Историю «Поехали!» сказал.

Штормит весь вечер

Штормит весь вечер, и пока заплаты пенные латают
Разорванные швы песка,
Я наблюдаю свысока, как волны головы ломают,
И я сочувствую слегка погибшим им издалека.

Ах, гривы белые судьбы, пред смертью словно хорошея.
По зову боевой трубы взлетают волны на дыбы.
Ломают выгнутые шеи,
И я сочувствую слегка погибшим им издалека.

Я слышу хрип, и смертный стон, и ярость, что не уцелели.
Еще бы, взять такой разгон, набраться сил, пробить заслон...
И голову сломать у цели.
И мы сочувствуем слегка погибшим им издалека.

А ветер снова в гребни бьет и гривы пенные ерошит,
Волна барьера не возьмет, ей кто-то ноги подсечет,—
И рухнет взмыленная лошадь.
И посочувствуют слегка погибшей ей издалека.

Так многие сидят в веках на берегах и наблюдают
Внимательно и зорко, как другие рядом на камнях
Хребты и головы ломают.
Они сочувствуют слегка погибшим, но издалека.

Придет и мой черед вослед, мне дуют в спину, гонят к краю,
В душе предчувствие, как бред, что надломлю себе хребет
И тоже голову сломаю.
Мне посочувствуют слегка погибшему издалека.

Благодать или благословение

Благодать или благословение
Ниспошли на подручных своих.
Дай нам, бог, совершить омовение,
Окунаясь в святая святых.

Все пороки, грехи и печали,
Равнодушие, согласие и спор,
Пар, который вот только надали,
Вышибает, как пули, из пор.

То, что мучит тебя, испарится
И поднимется вверх к небесам.
Ты ж, очистившись, должен спуститься,
Пар с грехами расправится сам.

Не стремись прежде времени к душе.
Не равняй с очищенем мытье —
Надо выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее.

Исцеленье от язвы уродства —
Это душ из живительных вод,
Это словно возврат первородства,
Или нет — осушенья болот.

Как у Волги иволга...

Как у Волги иволга, как у Волги таволга,
Обожгло крапивою, вспомнилось недавнее:
Как тебя, счастливую, вел по лугу за руку,
Подлевая иволге, обрывая таволгу.

Вспомнил я над берегом домики тот с усадьбою.
Отчего ж не бережно берегли, что найдено?
Неужели нами же это было найдено,
И неужели нами же это все раскрадено?

Где ж ты, лето красное, где ж вы, ночи быстрые?
Осень зреет астрами, обсыпает листьями.
Осень вновь ненастная, да и ты неласкова,
И как будто мыслями не со мной, а с листьями.

Поле взмокло ливнями, почерствело травами,
Реже слышу иволгу, и завяла таволга.
Это все недавнее или все старинное,
Как у Волги таволга, как у Волги иволга?

Революция в Тюмени

В нас вера есть и не в одних богов,
Нам нефть из недр не поднесут на блюдце.
Освобожденные от земных оков —
Есть цель несоциальных революций.

В болото входит бур, как в масло нож.
Владыка тьмы, мы примем отречение!
Земле мы кровь пускаем — ну и что ж,
А это ей приносит облегчение.

Под визг лебедек и под вой сирен
Мы ждем, мы не созрели для оаций,
Но близок час великих перемен
И революционных ситуаций!

В борьбе у нас нет классовых врагов —
Лишь гул подземных нефтяных течений,
Но есть сопротивление пластов,
А также ломка старых представлений.

Пока здесь вышки, как бамбук, росли,
Мы вдруг познали истину простую, —
Что мы нашли не нефть, а соль земли
И раскусили эту соль земную.

Болят кора земли, и пульс возрос,
Боль нестерпима, силы на исходе.
И нефть в утробе призывает «СОС!»,
Вся исходя тоскою по свободе.

Мы разглядели, различили боль
Сквозь меди блеск и через запах розы.
Ведь это не поваренная соль,
А это человечьи пот и слезы.

Пробились буры, бездну вскрыл алмаз,
И нефть из скважин бьет фонтаном мысли, —
Становится энергиею масс
В прямом и тоже переносном смысле.

Угар победы, пламя не угорь
И ритма не глуши копытный дробот.
Излишки нефти стравливали в Обь,
Пока не проложили нефтепровод.

Но что поделаться, если льет из жерл
Мощнее всех источников овечьих?
И что за революция без жертв,
К тому же здесь еще — без человеческих?

Пусть скажут, что сужу я с кондачка,
Но мысль меня такая поразила:
То, что сегодня строим на века, —
В Тюмени подтверждение получило.

И пусть мои стихи верны на треть,
Пусть уличен я в слабом разуме, —
Но нефть — свободна. Не могу не петь
Про эту революцию в Тюмени.

Становись моряком

Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода,
Мы не ждали его — не за легкой добычей пошли.
Провожая закат, мы живем ожиданьем восхода
И, влюбленные в море, живем ожиданьем земли.

Помнишь детские сны о походах Великой Армады?
Абордажи, бои, паруса и под ложечкой ком?
Все сбылось: «Становись, становись!» —

раздаются команды,
Это требует море — скорей становись моряком.

Наверху впереди злее ветры, багровее зори.
Правда сверху видней, впереди же — исход и земля.
Вы матросские робы, кровавые ваши мозоли
Не забудьте, ребята, когда-то надев кителя.

По сигналу «Пошел!» оживают продрогшие реи,
Горизонт опрокинулся, мачты упали ничком.
Становись, становись, становись человеком скорее, —
Это значит на море — скорей становись моряком.

Поднимаемся к небу по вантам, как будто по вехам,
Там и ветер живой, он кричит, а не шепчет тайком:
— Становись, становись, становись человеком! —
Это значит на море — скорей становись моряком.

Чтоб отсутствием долгим нас близкие не попрекали,
Не грубейте душой и не будьте покорны судьбе.
Оставайтесь, ребята, людьми, становясь моряками,
Становясь капитаном, храните матроса в себе.

Прошла пора вступлений и прелюдий

Прошла пора вступлений и прелюдий,
Все хорошо, не вру, без дураков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

Быть может, запись слышал из окон,
А может быть, с детьми ухи не сварил,
Как знать, но приобрел магнитофон
Какой-нибудь ответственный товарищ.

И предаваясь утрешней беседе
В кругу семьи, где свет торшера тускл,
Тихонько, чтоб не слышали соседи,
Он взял да и нажал на кнопку «пуск».

И там, не разобрав последних слов —
Прескверный дубль достали на работе, —
Услышал он «Охоту на волков»
И кое-что еще на обороте.

И все прослушав до последней ноты
И разозлясь, что слов последних нет,
Он поднял трубку: «Автора «Охоты»
Ко мне пришлите завтра в кабинет».

Я не хлебнул для храбрости винца
И, подавляя частую икоту,
С порога от начала до конца
Я проорал ту самую «Охоту».

Его просили дети, безусловно,
Чтобы была улыбка на лице,
Но он меня прослушал благосклонно
И даже аплодировал в конце.

И об стакан бутылкою звеня,
Которую извлек из книжной полки,
Он выпалил: «Да это ж про меня,
Про нас про всех, какие, к черту, волки?»

Ну все, теперь, конечно, что-то будет,
Уже три года в день по пять звонков —
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

Будут и стихи, и математика

Будут и стихи, и математика.
Почести, долги, неравный бой.
Нынче ж оловянные солдатики
Здесь, на старой карте, стали в строй.

Лучше бы уж он держал в казарме их,
Но ведь на войне, как на войне —
Падают бойцы в обеих армиях
Поровну на каждой стороне.

Может быть, пробелы в воспитании
И в образовании слабина, —
Но не может выиграть кампании
Та или другая сторона.

Совести проблемы окаянные,
Как перед собой не согрешить?
Тут и там солдаты оловянные,
Как решить, кто должен победить.

И какая, к дьяволу, стратегия,
И какая тактика, к чертям?
Вот сдалась нейтральная Норвегия
Ордам оловянных египтян.

Левою рукою Скандинавия
Лишена престижа своего,
Но рука решительная правая
Вмиг восстановила статус-кво.

Где вы, легкомысленные гении,
Или вам являться недосуг?
Где вы, проигравшие сражения
Просто, не испытывая мук?

Или вы, несущие в венце зарю
Битв, побед, триумфов и могил,
Где вы, уподобленные Цезарю,
Кто пришел, увидел, победил?

Сколько б ни предпринимали армии
Контратак, прорывов и бросков, —
Все равно на каждом полушарии
Поровну игрушечных бойцов.

Мучается полководец маленький,
Непопулярной ношей отягчен.
Вышедший в громадные начальники
Шестилетний мой Наполеон.

Чтобы прекратить его мучения,
Ровно половину тех солдат
Я покрасил в синий — шутка гения.
Утром вижу — синие лежат.

Счастлив я успехами такими, но
Мысль одна с тех пор меня гнетет:
Как решил он, чтоб погибли именно
Синие, а не наоборот.

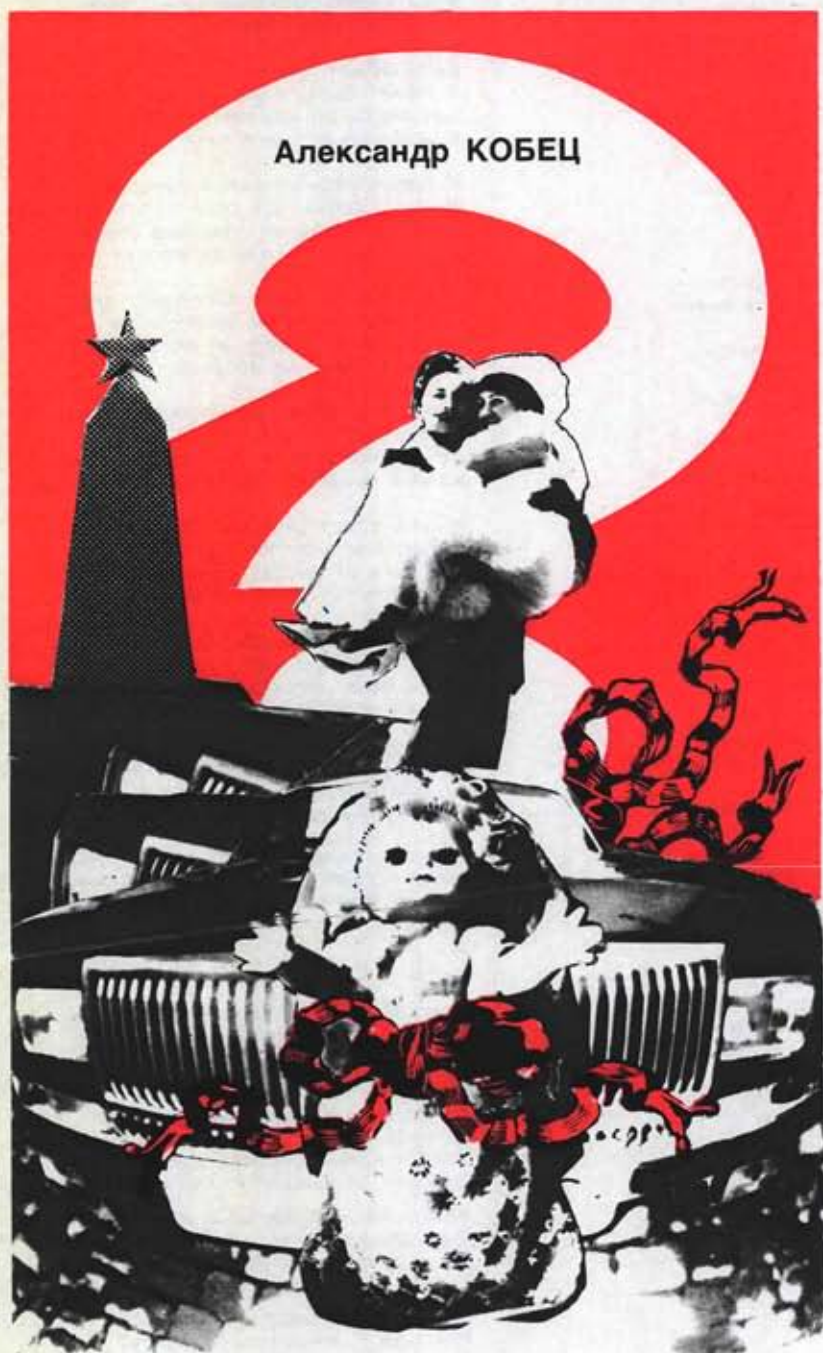
Здесь нет голых, стесняться не надо,
Что кривая рука да нога,
Здесь подобие райского сада,
Пропуск всем, кто раздет донага.

И в предбаннике сбросивши вещи,
Всю одетость свою позабудь.
Одинаково венчик хлещет,
Так что зря не выпячивай грудь.

Все равны здесь, с единым богатством
Все легко переносят жару,
Здесь свободу и равенство с братством
Ощущаешь в крошечном пару.

Загоняй поколение в парную
И крещение принять убедил.
Лей на нас свою воду святую
И от варварства освободи.

Благодать или благословение
Ниспосли на подручных своих.
Дай нам, бог, совершить омовение,
Окунаясь в святая святых.

Александр КОБЕЦ

СОГЛАСНО ЦЕРЕМОНИИ

Тихий субботний день. Куранты на Спасской башне Кремля отсчитывают четыре удара. Рядом с чугунной оградой Александровского сада и на площади перед въездом в Исторический проезд припаркованы десятки легковых автомобилей. Прибывают все новые и новые, вереница их тянется уже вдоль сада к Манежу. Радиатор каждой машины пересекает трехцветная лента — неременный атрибут современных свадебных «карет». На крышах некоторых из них

укреплены по два спянных обручальных кольца, внутри — колокольчики. Из машин выходят молодожены. Горделивые, смелые взгляды, ослепительные улыбки, уверенная поступь. Двигаются они все в одном направлении — к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата.

— Ну что, пойдём возлагать? — слышу рядом чей-то бодрый голос. Обращаюсь и вижу эlegantного молодого человека с букетом гвоздик. Юная подруга жизни, смеясь, подхватывает его под руку, и они вместе со свитой друзей и родственников весело направляются к кремлевской стене.

А там, рядом с мраморным надгробием безвестного воина, приглушенно гудит толпа людей, пребывающих в радостно-возбужденном настроении. Шмыгают деловитые фотографии, ищут и находят себе новых клиентов. Одна за другой пары женихов и невест проходят к Вечному огню, укладывают в ряд букетики и позируют перед фотообъективами.

Выбравшись из толпы, догоняю чету, которая уже сфотографировалась и готовится занять места в свадебной «Чайке». Поздравив молодоженов и показав им свое корреспондентское удостоверение, объясняю, что провожу опрос для написания заметки о современных обрядах.

— Бюро проката свадебных автомобилей предоставляет возможность совершить свадебное мини-путешествие на смотровую площадку на Ленинских горах, промчаться по Калининскому или полюбоваться другими районами столицы. Почему вы выбрали именно этот маршрут? — задаю первый вопрос.

— Не знаю, — пожимает плечами невеста. — Все почему-то записывались сюда, ну и мы тоже...

— Да что тут непонятного! — вмешивается новоиспеченный глава семьи. — Святое дело!

Заняв позицию у ворот Александровского сада, поджидаю следующую пару. Знакомимся. Виктор и Нина — водитель троллейбуса и бухгалтер.

— Ребята, в каком году был сооружен этот мемориальный комплекс? — спрашиваю их.

— Не помним... Вроде перед Московской Олимпиадой.

— А из ваших родственников кто-нибудь воевал?

— Мой дедушка был ранен под Курском, — с гордостью сообщает Нина.

— В доме у вас, наверное, хранятся какие-нибудь реликвии, связанные с его фронтовым прошлым? Солдатские письма-треугольники, пилотка, медали?..

— Нет, ничего не сохранилось...

Очередную супружескую чету остановить оказывается не так-то просто. Невеста с надменным видом разрезает толпу, словно линкор, за ней едва поспевает сумрачный, бледный избранник. Оба высоки, стройны, сухощавы. Туалет девушки производит на окружающих сильное впечатление. Белое платье невесты, отороченное белоснежным, ослепительно сверкающим на солнце мехом, стелется по земле. Голову венчает крошечная изящная шляпка.

— Извините, молодые люди, один вопрос для молодежного издания!

— Интервью даем только для ЮПИ, — холодно бросает невеста, не сбавляя шага.

— Ответьте, пожалуйста, какими вы здесь судьбами?

— Папаша оформлял заказ на свое усмотрение, пришлось ехать.

— Он у вас ветеран войны?

— Генерал.

— Вот как? Ну, а вы сами?

— Лично я погоны носить не собираюсь. Да и мой муж тоже.

— Его, вероятно, не призывают?

— И не призовут.

Я не выдерживаю:

— Из-за врожденной немоты или приобретенной после знакомства с вами?

Генеральская дочка прошивает меня сквозным взглядом и хлопает дверцей «Волги» со служебным номером.

Студент из МГУ Игорь и его жена Ирина показались мне после этого диалога людьми необыкновенно душевными и отзывчивыми. Но и они не сумели дать какого-либо вразумительного объяснения тому, что привело их в день бракосочетания к памятнику Неизвестного солдата.

— Может быть, то, что вы и в счастливые, и в печальные дни вашей жиз-

ни помните о тех ребятах, своих сверстниках из сороковых годов, кто так и не испытал многих радостей, в том числе и ту, которую вам выпало пережить сегодня? — подсказываю я.

Игорь и Ирина молча переглядываются; девушка слегка розовеет.

— Наверное, что-нибудь вроде этого и должен испытывать каждый, кто приходит сюда, — предполагает Игорь. — Мы, честно говоря, об этом не задумывались. Сами знаете, сколько хлопот перед свадьбой. Это достать, то привезти... Мне кажется, и все остальные молодожены появляются здесь без особенного душевного трепета...

— Вы тоже так считаете? — обращаюсь к Ире. Та, виновато улыбнувшись и поправив вуаль под шляпкой, мягко, но решительно тянет мужа к автостоянке...

За полтора дня, что я провел у выхода из Александровского сада, мне удалось поговорить со многими из тех, кто по дороге из Дворца бракосочетания к праздничному столу заскочил на минутку к мемориалу. Строители, официанты, крановщик с автозавода, студенты, сотрудницы медицинских учреждений, детский тренер по гимнастике, парикмахер, преподавательница из музыкальной школы, абитуриентки и призывники... Почти у всех мой вопрос о том, что привело их в день свадьбы к могиле Неизвестного солдата, вызывал замешательство и недоумение: об этом по-настоящему никто и не задумывался.

Особенно поразила меня одна розовощекая, пышнотелая красавица в широкополой, увитой лентами шляпе и туго обтягивающем фигуру платье с разрезами по бокам до середины бедер. Без тени сомнения она сообщила мне, что в последнюю войну мы потеряли «примерно тыщ двести»... Спрашивал я и о том, бывали ли молодые здесь прежде. Все отвечали отрицательно.

Традиция... Что же произошло с ней, с этой красивой, доброй традицией? Почему долг памяти превратился в игру, в «показательные упражнения» для фотографа, пошлый спектакль, оскорбляющий истинную память о погибших? Что происходит с нами?..

... На мгновение лица молодых становятся серьезными, задумчивыми, словно они действительно проникаются теми чувствами, которые должна вызывать торжественная атмосфера мемориала. Но нет — это только для снимка!..

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя эти заметки, мы отдаем себе отчет, что, конечно, не все молодые супружеские пары приходят к Вечному огню с настроением, в котором пребывали те, кого встретил автор статьи. И тем не менее серьезный повод для разговора есть. Мы хотим пригласить читателей поразмышлять о наших обычаях, обрядах, традициях. Не стали ли какие-то из них неискренними, фальшивыми, не коснулись ли их пальцы псевдопрестижа и моды?

Вспоминается фильм Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?», в котором школьник-часовой, проходя чеканным шагом по гранитному настилу у памятника латышским красным стрелкам, думает: «А чего мы притворяемся?» Откуда это притворство, нравственная глухота? Устарели традиции или изменились мы сами?

Давайте вместе поразмышляем о верности нашим святыням, о той нравственной ценности, которую они несут в себе, и о том антивоспитательном эффекте, который возникает тогда, когда святые традиции превращаются в то, что именуется пошленькими словами «обязаловка» и «показуха».

СКАЗКА

ТРОЙКЕ

В деревне Хоккэдзука на острове Кусумори жил рыбак по имени Гэнгобэй. Однажды он вышел на лодке и не вернулся. Жена его, напрасно прождав положенное время, вышла за другого человека. Гэнгобэй через десять лет объявился в Муроцу и рассказал, будто лодку его опрокинул ика, огромный, как рыба Ку, сам он упал в воду и был подобран пиратом Надазоном» («Предания юга»).

— Чистейшее вранье,— сказал Спиридон.— Наверняка этот Гэнгобэй пошел в пираты подзаработать. Очень похоже на людей. Впрочем, это мелочь. Дальше.

— «Тако злы нравом и не знают великодушия. Если их много, они дерзко друг на друга нападают и разбивают на части. В старину на Цукуси было место, где так собирались для свершения своих междоусобиц. Ныряльщики находят там множество больших и малых клювов и продают любопытным в столицу. Поэтому говорится: тако-но томокуи — взаимопожирание тако» («Записи об обитателях моря»).

— Взаимопожирание! — сказал Спиридон раздраженно.— Это похороны, а не взаимопожирание...

— Привет, друзья! — раздался позади нас знакомый голос.— Уже читаете? Клота, конечно, не подождали... Ну еще бы, существо низшей организации, насекомое, так сказать, «а паразиты никогда...».

— Помолчи, Говорун,— сказал Спиридон.— Садись и слушай. Давай дальше, Саша.

Клоп, обиженно ворча, протиснулся между мной и Федором, и я продолжал:

— «Рассказывают, что во владениях сиятельного военачальника Ямаути Кадзутое промышляла губки знаменитая в Тосо ныряльщица по имени О-Гин. Лицом была приятная, телом крепкая, нравом веселая. В тех местах издавна жил старый ика длиною в двадцать шагов. Люди его боялись, она же с ним играла и ласкала его, и он приносил ей отменные губки, которые шли по сто мон. Однако, когда ее просватали, он впал в уныние и пожрал ее. Больше его не видели. Это случилось в тот год, когда сиятельный военачальник Ямаути по настоянию супруги счастливо уплатил десять рё золотом за кровного жеребца» («Предания юга»).

Спиридон промолчал, и я его окликнул.

— Да-да,— отозвался он.— Я слушаю.

Голос его показался мне странным, и я спросил, почему не слышно комментария.

— Потому что комментариев не будет,— сурово сказал Спиридон.

— Совсем больше не будет? — спросил я.

— Нет, отчего же — совсем? Там посмотрим...

Я продолжал чтение:

— «Параграф восемьдесят семь. Еще господин Цугами утверждает следующее. В Восточных морях видят катацумуридаке, пурпурного цвета, с множеством тонких рук, высовывается из круглой раковины в тридцать шагов с остриями и гребнями, глаза сгнили, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питается ими. Если приблизиться, хлопнуть в ладоши и крикнуть, от испуга выпускает ядовитый сок и наискось погружается в неведомую глубину, после чего долго не выходит. Среди знающих моряков известно, что он гнусен и вызывает на теле гнойную сыпь» («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей»).

— Любопытно,— сказал Спиридон.— Мне хочется вас поздравить. Письменность — это полезное изобретение. Конечно, с памятью гигантского древнего головного ей не сравниться, но вам, людям, она заменяет то, чего вы лишены от природы.

— Ты хочешь сказать,— спросил я,— что все прочитанное было на самом деле?

— Поговорим об этом, когда ты закончишь,— сказал Спиридон.

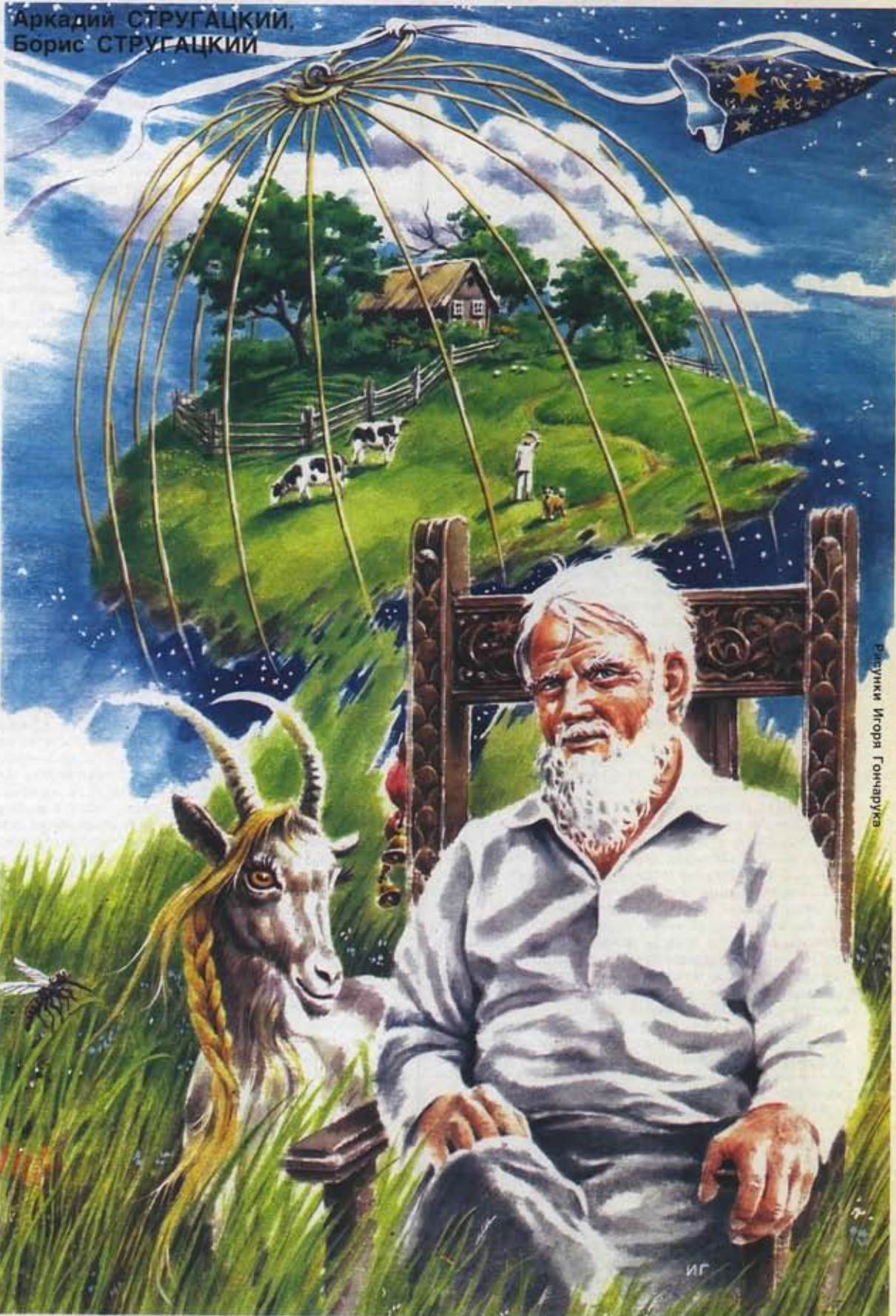
— Пойдемте лучше в кино,— предложил Говорун.— Устроили здесь читальню... Память, письменность... Слова вставить не дают...

— Дальше, Саша, дальше,— сказал Спиридон.

— «Параграф сто тринадцать. Еще господин Цугами свидетельствует такое. На острове Екомэдзима живет дед, дружит с большими ика. Он в изобилии разводит свиней на рыбе и квашеных водорослях. Когда в полнолуние он играет на флейте, ика выходят на берег, и он дает им лучших свиней. Взамен они приносят ему лекарство долголетия из источников в пучине вод» («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей»).

— Помню, помню,— сказал Спиридон.— Мы их потом судили... Надо сказать, что господин Цугами Ясумицу — опытный работник. Есть там еще что-нибудь из его свидетельств?

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Рисунки Игоря Гончарюка

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Возвращаясь из исполкомовского гаража в гостиницу, я потерял бдительность и вновь был пойман старикашкой Эдельвейсом. Делать было нечего, и я холодно осведомился, выполнил ли он мое задание. К моему огромному изумлению, оказалось, что да. Оказалось, что все рекомендованные книжки в количестве пяти он прочел от доски до доски и вы зубрил наизусть: бьют такие дотошные старички, усердные не по разуму.

Я не поверил, однако он шарил по памяти целые страницы с любого места слева направо, справа налево и даже сзади наперед. При этом сразу было видно, что он абсолютно ничего в прочитанном не понял и никогда не поймет. Воспользовавшись моим естественным замешательством, он объявил, что теорией он теперь овладел, возвращаться к ней больше не намерен, а намерен он возвратиться к практике.

В отчаянии и меланхолии я понес какую-то околесицу насчет самообучающихся машин. Он слушал, раскрыв рот, и впитывал каждый звук — по-моему, он запомнил эту околесицу дословно. Затем меня осенило. Я спросил, достаточно ли сложной машиной является его агрегат. Он немедленно и страстно заверил, что агрегат невообразимо сложен, что иногда он, Эдельвейс, сам не понимает, что там где и к чему. Прекрасно, сказал я. Хорошо известно, что всякая достаточно сложная электронная машина обладает способностью к самообучению и самовоспроизводству. Самовоспроизводство нам сейчас пока не нужно, а вот обучить эвристический агрегат Бабкина... тфу... Машина печатает тексты самостоятельно, без человека-посредника, мы обязаны в самые короткие сроки. Как это сделать? Мы применим хорошо известный и многократно испытанный метод длительной тренировки.

Преимущество этого метода в простоте. Берется достаточно обширный текст, скажем, «Жизнь животных» Брема в пяти томах. Машин садится за свой агрегат и начинает печатать слово за словом, строчку за строчкой, страницу за страницей. При этом анализатор агрегата будет анализировать, думать... — у ей внутри ведь есть, кажется, думатель? — думатель будет думать, и таким образом агрегат станет у вас обучаться. Вы и ахнуть не успеете, как он у вас начнет сам печатать. Вот вам рубль подъемных, и ступайте в библиотеку за Бремом...

Расставшись с Эдельвейсом, я поднялся в наш номер. Здесь было невесело. На моей кровати сидел, подперев подбородок кулаками, взлохмаченный и небритый Витька. Лицо его выражало высшую степень недовольства миром вообще и своим положением в этом мире в особенности. Эдик, обняв колени, сидел на подоконнике и грустно смотрел на улицу. Роман в кремовых брюках, кремовых же выходных штиблетах и в майке расхаживал по комнате и со стыдливой горечью говорил о том, что быть моральным и нравственным хорошо, а быть аморальным и безнравственным, наоборот, плохо, что в нашем обществе, оказывается, узаконена строгая моногамия и любые попытки пойти против течения беспощадно караются общественным презрением, а то и в уголовном порядке: что любовь — это ни в какой мере не вздох на скамейке и уж, во всяком случае, не прогулки при луне...

Я сел за стол, откупорил бутылку нарзана и спросил, о чем идет речь. Выяснилось, что товарищ Голый, администратор опытный, искусный в принципе «доверий, но проверай», навел справки о гражданине Ойре-Ойре Р. П., и сведения о семейном положении этого гражданина оказались столь неблагоприятными, что товарищ Голый мнением положил: гражданина Ойру-Ойру Р. П. впредь на порог не пускать и от ухаживания и иных матримоний в отношении товарища Ирины отстранить, а товарищу Ирине объявить выговор и предложить ей в дисциплинарном порядке забить и думать об указанном гражданине Ойре-Ойре Р. П. Выяснилось далее, что к отстранению от матримоний старший из магистров отнесся легко, если не сказать легкомысленно, но мучается теперь вполне обоснованным страхом, что оргвыводы отстранением не закончились и весьма возможен неофициальный закулисный сговор между местной администрацией в лице товарища Голого и Тройкой в лице товарища Вунокова о невидании товарищем Ойрой-Ойрой Р. П. спрута Спиридона как своих ушей без зеркала. Короче говоря, старший из магистров потерпел сокрушительное поражение и был отброшен на исходные рубежи.

Не менее решительное поражение, как оказалось, потерпел и грубый, темный, уголовный Виктор Корнеев. Ничего, кроме серых и черных слов, вытянуть из него не удавалось, но сами за себя говорили, вопервых, знакомый бидон с жидким пришельцем, стоящий в углу и готовый к возврату в комендантовое лоно, а во-вторых, крайне угнетенное состояние духа темного и уголовного Корнеева, свидетельствующее о переживаемой им ужасной нравственной трагедии. Можно

было только догадываться, что именно произошло, и как наяву виделись великие: грустный Жан Жиакмо, укоризненный Федор Симеонович и беспощадно-брезгливый Кристоаль Хунта, произносящие перед поникшим Корнеевым какие-то волшебной силы слова, которые нам не дано было услышать, и слава богу!

В отличие от двух своих собратьев-магистров Эдик Амперян не признавал себя потерпевшим окончательное поражение. Однако то, чему он оказался сегодня свидетелем — зверское избиение Клопа Говоруна, бездарное рассмотрение дела заразы Лизки и решительная расправа со злостным Коревым Вязлом, — изрядно потрепало его оптимизм. Решение же по заколдованному месту, принятое немедленно после одного из лучших Эдиковых психологических этюдов, повергло его в панику. Следовало серьезно подумать о состоятельности методов позитивной реморализации в применении к неуязвимой Тройке.

Я закурил сигарету и, перестав сопротивляться, с головой погрузился в волны меланхолии, затопившей номер. Мне было совершенно ясно, что фортуна повернула к нам свою спину.

— Увы мне! — воскликнул вдруг Панург, грустно звякнув бубенцами. — Здесь печально, как в скорбном доме; здесь уныло, как на кладбище; а ведь вам еще неизвестна история блаженного Акакия! Вы еще не знаете, что Акакий был послушником у одного весьма сурового инока. Этот чернорясник всячески терзал Акакия словом и железом, дабы смирить его дух и умертвить его плоть. Однако, поскольку Акакий, существо крайне незлобное, сносил ругань и побои без единого стога и жалобы, инок этот, как часто бывает с садистическими натурами, постепенно расплылся и незаметно для себя переменял цель своих жестоких упрямлений. Теперь он припекал Акакия, стремясь изо всех сил спровоцировать беднягу на бунт или хотя бы на просьбу о пощаде. И не преуспел ведь! Плоть сломалась раньше духа, и Акакий в бозе почил. И вот, стоя над раскрытым гробом и глядя в мертвое лицо, разочарованный инок в злобе и раздражении думал: «Ушел-таки... Не повезло... Надо же, какая скотина попалась упрямая!» Как вдруг Акакий открыл один глаз и торжествующе показал иноку длинный язык...

— Чего надо? — хмуро спросил Панурга грубый Корнеев. — Чего вы здесь шлетеесь?

— Витька, — сказал я, — это же Панург...

— Ну и что? Шлятуют тут всякие шуты гороховые, уши развешивают по чужим домам... — Он схватил оставленный Панургом колпак с бубенцами и вышвырнул в окно.

— У товарища Колуна тоже есть взрослая дочка, — задумчиво проговорил Роман, но Корнеев посмотрел на него с таким презрением, что старший из магистров только рукой махнул, сел и принялся стаскивать матримониальные кремовые брюки.

Тогда Эдик решительно объявил, что нам остается одно: обратиться в высшие инстанции. Он, Эдик, не считает, правда, Тройку совершенно уж безнадежной и будет продолжать свои попытки реморализации, но толково составленная и разумно обоснованная докладная записка, по-деловому критикующая деятельность Тройки, будучи направлена по верному адресу, может вызвать желательные последствия. Эдику возразил Роман, прекрасно изучивший все такого рода входы и выходы. Он сказал, что никакая «телега» не способна вызвать желательные последствия, ибо попадет она либо к товарищу Голому, духовная близость которого к товарищу Вунокову очевидна, либо к товарищу Колуну, для которого авторитет профессора Выбегаллы не менее весом, нежели авторитет магистра Амперяна, и который, как добросовестный человек, не согласится выступать арбитром в научном споре. Так что в лучшем случае «телега» ничего не изменит, а в худшем — настроит Тройку на мстительный образ мысли.

Это было похоже на правду, и Корнеев предложил нейтрализовать Выбегаллу в надежде, что новый научный консультант окажется порядочным человеком. Витькино предложение показалось нам неясным. Непонятно было, что Корнеев имеет в виду под словом «нейтрализовать» и почему эта нейтрализация приведет к появлению нового консультанта. Впрочем, Корнеев с возмущением и достаточно грубо отверг наши подозрения и сказал, что имеется в виду лишь кампания по систематическому спаиванию профессора, которую кто-нибудь из нас развернет. Разика два приползет заседать на бровях, сказал Витька, его и попрут. Мы были разочарованы. В высшей степени сомнительным представлялось, чтобы кто-нибудь из нас в отдельности или даже все мы вместе способны были бы за пиришественным столом поставить Выбегаллу на брови. Кишка у нас была тонка, славы мы были в колленках, и не хватало для такой кампании пороха.

Я предложил изготовить дубли всех экспонатов, в которых мы были заинтересованы, и подсунуть их Тройке вместо оригиналов. Мне казалось, что это позволит нам выиграть время, а там, глядишь, мы что-нибудь и придумаем. Мое предложение было отвергнуто — как паллиативное, оппортунистическое, дурно пахнущее и к тому же не сводящее дело с мертвой точки. Тогда с горя я предложил создать дубликаты членов Тройки. Магистры удивились. Были заданы вопросы. Я не знал, зачем я это предложил.

У меня не было никаких оснований предполагать, будто Шестерка будет лучше Тройки. Я сказал это просто так, от отчаяния, и Корнеев заставил меня признать, что хотя я и демонстрирую иногда случайные озарения, но в сущности своей я как был дураком, так и остался.

Тут в разговор снова вмешался Панург и внес свое предложение, сформулированное в виде притчи о том, как некий Таврий Юбеллий остановил на улице убийцу двухсот двадцати пяти сенаторов консула Фульвия, сделал ему выговор и в знак протеста против позорной бойни заколол себя кинжалом. Некоторым кажется, что Таврий Юбеллий — герой, заключил Панург, но на самом деле он тоже дурак: зачем убивать себя, честного человека, если имеешь реальную возможность заколоть убийцу двух сотен своих друзей и знакомых? Мы обдумали идею, заложенную в этой притче, и отказались от нее, причем Корнеев заявил, что довольно с нас уголовщины.

Источник идей иссякал на глазах. Последнюю попытку сделал Эдик, предложивший в знак протеста облить бензином и сжечь на глазах у Тройки своего дубля. Роман усомнился в эффективности такого жеста, и они быстренько проиграла идею на моделях. Естественно, Роман оказался прав. Когда модель дубля вспыхнула, модель Лавра Федотовича отреагировала на происшествие стандартным высказыванием: «Затруднение? Товарищ Хлебовводов, устраните!». И модель Хлебовводов, повалив на пол горящую модель дубля, затоптала ее ногами вместе с огнем. Больше идей не было, но зато позвонил телефон.

— Профессора Привалова Александра Ивановича можно позвать? — осведомился до тошноты знакомый дребезжащий голос.

— Да, — сказал я. — Слушаю вас, товарищ Машкин.

— Так что разрешите доложить, — сказал Эдельвейс, — что указания ваши я выполнил в точности. Две страницы уже перепечатал. Но вот беда какая... Не по-русски там идет... У меня в агрегате таких букв и нету. Иностранные, видать... Их печатать или как?

— А! — сказал я, догадавшись, что речь идет о латинских наименованиях. — Обязательно печатать!

— А ежели в ем этих букв нету?

— Тогда срисовывайте рукой... Очень хорошо! Агрегат заодно и срисовывать научится... Действуйте.

Я повесил трубку, и у меня даже на сердце потеплело, когда я представил себе, как настырный Эдельвейс, вместо того чтобы пугаться под ногами, кланчить приказы, мучить меня своей глупостью, мирно сидит себе за «ремингтоном», колотит по клавишам и, высунув язык, срисовывает латинские буквы. И еще долго будет колотить и срисовывать, а когда мы закончим с Бремом, то возьмем сначала тридцать томов Чарльза Диккенса, а затем, даст бог, примемся за девятностотомное собрание сочинений Льва Николаевича со всеми письмами, статьями, заметками и комментариями... Не-ет, Витька не совсем прав, не такой уж я дурак, мне только взяться, а там уж я...

Я торжествующе оглядел кислые физиономии друзей моих и только было собрался для поднятия духа рассказать им, как умные люди обходят вставшие у них на пути препятствия, возведенные тупостью и невежеством, вдруг неожиданное решение нашей проблемы высочило у меня откуда-то из мозжечка и мгновенно завладело серым веществом. Несколько секунд я лихорадочно искал практическое решение осевшей меня светлой идеи, не нашел его и, не желая далее искать в одиночку, быстро и несвязно стал рассказывать, как я обуздал Эдельвейса.

Меня поняли, едва я упомянул о Бреме. Мне сказали, чтобы я замолчал. Мне сказали, чтобы я заткнулся и не мешал. Мне сказали, что я молодец, ясная голова, и мне тут же сказали, что будет лучше, если я уйду и перестану пугаться под ногами.

— Вечный двигатель! — провозгласил Роман. — Десять заявок. Лучше двадцать.

— Двадцать на двигатель первого рода, — подхватил Эдик, — столько же на двигатель второго рода...

— Разумный селенит, — сказал Витька. — Оборудование для спиритического кабинета...

— Дух Наполеона! — вскричал Эдик. — Я знаю, в Колонии есть две штуки!

— По пять заявок на каждую...

— Духи — это блеск. Дух Македонского, дух Бисмарка, дух Чингисхана...

— Дух Амперяна!

— Откуда ты его возьмешь?

— Сделаем!

— Правильно, сделаем! А что еще можно сделать?

— Подождите, — сказал Роман. — Сделать можно все, не пропадем. Но нужно десять тысяч заявок, а это значит — десять тысяч авторитетных подписей, десять тысяч бланков, десять тысяч конвертов... Далее наша почта не справится, надо ей помочь...

А ЗВУЧИТ...

Включая радио или телевизор, вы имеете шанс услышать о том, «как прекрасен этот мир», где есть «соловьиные рощи» и которые надо беречь, ибо «второй такой Земли не будет». Но нередко звучат и такие легкие, ничего не значащие слова: «Ах, мама, где моя паннама?...», «Квакала лягушка ква-ква-ква...». Подобные шлягеры заставляют задуматься о механизме рождения и распространения песен-путишек, потоком льющихся отовсюду.

Сегодня в большинстве своем песни более не «поются», как было раньше. Теперь под них в основном танцуют. И какой, согласитесь, смысл поэту «биться» над словом, когда в шуме дискотеки текста все равно не слышно. Куда быстрее и проще подобрать рефрен типа «мама-паннама». Тут достаточно профессиональных навыков и небольшого опыта, чтобы наложить текст на музыку. А поскольку эфир, как и зрители, постоянно требует песен, то авторы совершенно уверены, что их труд даром не пропадет. Пропасть может лишь главное достоинство советских песен — содержательность. Конечно, нельзя требовать, чтобы развлекательная музыка поднимала лишь темы высокого философского звучания. Но и низводить песню до проблем «квакающих лягушек», а тем более поддерживать такую музыку средствами массовой информации, думаю, не следует.

Интересно, что ответственности за широкую пропаганду дурновкусия, за засорение эфира песнями из репертуара подворотни практически никто не несет, так как орган, решающий судьбу каждой новой песни в Государственном комитете по телевидению и радиовещанию, коллегиальный. Это художественные советы, функционирующие раздельно. На радио — при главной редакции музыкального радиовещания, на телевидении — при главной редакции музыкальных программ. Необходимость существования в одной организации двух музыкальных советов, осуществляющих общую политику в области музыки, для многих до сих пор загадка. Ибо произведения, принятые, к примеру, на радио, автоматически «проходят» на телевидении. И наоборот. Случаются парадоксальные ситуации, когда для песен, повседневно «крутящихся» по радио, вдруг «закрывают» экран телевизора.

Техника принятия песни на первый взгляд кажется простой и бесхитростной. Весь поток легкой музы-

ки, вливающийся в музыкальные редакции Гостелерадио, устремляется сначала к редакторам отдела, а затем выносится на совет. В состав совета входят известные композиторы и поэты. Они призваны строго следить, чтобы в эфир попадали песни, которые бы воспитывали у молодежи высокие эстетические идеалы, музыкальный вкус.

Однако процедура прохождения песни в худсовете столь сложна, запутанна, а критерии оценки столь расплывчаты, что судьба произведения решается, что называется, «как бог на душу положит». Суть деятельности совета заключается в следующем. Приглашенный автор песни должен пропеть ее «под рояль». О том, что объективно оценить таким допотопным способом качество современной музыки, требующей аранжировки, невероятно сложно, знает каждый мало-мальски грамотный музыкант. В «сыром полуфабрикате» — такое выражение бытует среди композиторов — песню можно не разглядеть. Так, в свое время не приняты были на радио песни Д. Тухманова «День Победы» и В. Шаинского «Дрозды», ставшие впоследствии классикой советской эстрады. Ситуации подобного рода встречаются в деятельности советов и по сей день. Однако, несмотря на обилие казусов и нервотрепки, ни у кого до сих пор не возникло сомнения, целесообразна ли существующая форма приема песен.

Вообще желательно, чтобы композитор сразу являлся на прослушивание с готовой фонограммой. На телевидении, к слову сказать, без фонограмм не принято являться на совет. Там также не принято обсуждать, где автор, не имеющий собственной стационарной студии, может сделать качественную профессиональную фонограмму и во сколько это ему обойдется. Эти вопросы из области личных проблем композиторов и исполнителей.

Но вот песня одобрена советом, и если она счастливой судьбы, то состоится ее «истинное рождение» — она появится в эфире. Счастливая судьба — немаловажное условие, ибо среди 18 000 музыкальных произведений, хранящихся в фонотеке Гостелерадио, есть немало незаслужен-

но «забытых». Кстати, в этом огромном музыкальном арсенале нет ни одной записи песен Б. Окуджавы. А часто ли услышишь и увидишь, например, А. Асадуллина с песней Т. Сашко «Наш дом» или песню А. Мажукова на слова Л. Виноградской «Час тишины»? Не случайно ссылаюсь на песни гражданского звучания. По идее в эфире им должен быть создан «режим наибольшего благоприятствования». Однако отношение к социальной песне органов вещания порой не просто удивляет — настораживает. В прошлом году Т. Сашко и Л. Виноградской была написана песня «Звездный сюжет», посвященная одной из актуальнейших проблем современности — борьбе за мирный космос. Песня стала одной из лучших на пластинке «Мир, планета, Земля», выпущенной в Год мира. Но она не нашла «приюта» ни в одной телепередаче для молодежи. Наконец, песня была отснята для передачи «Здравствуй, мир, здравствуй, друг!», подготовленной во время Игр доброй воли. Но по непонятной причине «вылетела» из передачи перед самым эфиром. Телезрители смогли услышать ее только благодаря трансляции из Ленинграда «Музыкального ринга» В. Леонтьева.

Практически песни гражданского звучания выполняют на телевидении роль парадного мундира, которым пользуются лишь в праздничные дни. Они отыскиваются в нужную минуту и, промелькнув в торжественном концерте, куда-то исчезают... Когда же песни определенной тематики «не звучат» во весь голос, композиторы перестают их писать. Немало талантливых эстрадных коллективов, исполнителей, вокально-инструментальных ансамблей пребывают вне поля зрения вещательных организаций. О существовании самодеятельнейшего коллектива «Эллада», более десяти лет работающего в жанре лирической песни, широкая аудитория узнала лишь благодаря фирме «Мелодия», выпустившей диск-гигант этого ансамбля. Однако, как утверждают руководящие работники музыкальных редакций Гостелерадио, фирма «Мелодия» — организация коммерческая, и потому ее задачи в популяризации эстрадной музыки несколько отличаются от задач

совета Гостелерадио. Именно поэтому на «Мелодии» существует свой собственный художественный совет.

Добрые слова приходится слышать в адрес музыкальных радиопрограмм «Ты, я и песня», «Мастро», «Снимается кино», «Встречи в пятой студии», «Спорт, музыка, спорт». Но каких титанических трудов стоит авторам этих передач подобрать добротный музыкальный материал. А сколько времени и сил приходится тратить на «пробивание» песен неизвестного композитора. Хотя, как считают многие, «возиться» с композиторами — дело Союза композиторов. В этом бытующем на радио и телевидении мнении и кроется, на мой взгляд, корень зла.

Дело в том, что все без исключения авторы-песенники несут свои новые произведения по традиции на радио и телевидение. Традиция эта сложилась в начале 60-х годов. На радио в те благоприятные времена не боялись помочь начинающим авторам, «подсказать» песню. Ответственность за выпуск песни в эфир полностью лежала на редакторах отдела. И, что поразительно, именно тогда, когда никто не боялся, в эфир одна за другой летели чудесные песни, такие, как «Подмосковные вечера», «Морзянка», «ЛЭП-500»... И сегодня по традиции, вполне оправданной, ведь вещание — кратчайший путь к слушателю, молодые композиторы несут свои работы в музыкальные редакции Гостелерадио. Только теперь совет, который лишь «пропускает» через себя все вновь созданное, совершенно не соответствует своему названию, так как совета и помощи от него не дождешься. Да и о какой помощи может идти речь, если формулировки решений художественного совета на телевидении крайне расплывчаты. Песни советом только «рекомендуются».

Не в этой ли расплывчатости формулировок, решений, организационных принципов всего музыкального вещания, а главное — в «расплывчатой» ответственности за содержательность музыкального эфира кроется причина бедственного положения современной советской песни.

Нынче стало модным упрекать нашу молодежь за приверженность к западной музыке, за музыкальное дурновкусие. Но если кто-нибудь из усердно сетующих задастся целью и прослушает в течение месяца все музыкальные передачи радио и телевидения подряд, то, я уверена, очень скоро чувство раздражения по отношению к нашей молодежи заменит чувство жалости. Стоит только прислушаться к звучащей вокруг музыке...

Читайте в ближайших номерах:

Трудные из спецшколы.

Рассказ Леонида Бежина.

Надо быть смелым! Беседа с писателем Владимиром Дудинцевым.

Ясная Поляна. Наша радость и боль.

Борис Беккер: теннис нашего времени.

Литературный силуэт Джорджа Гордона Байрона.

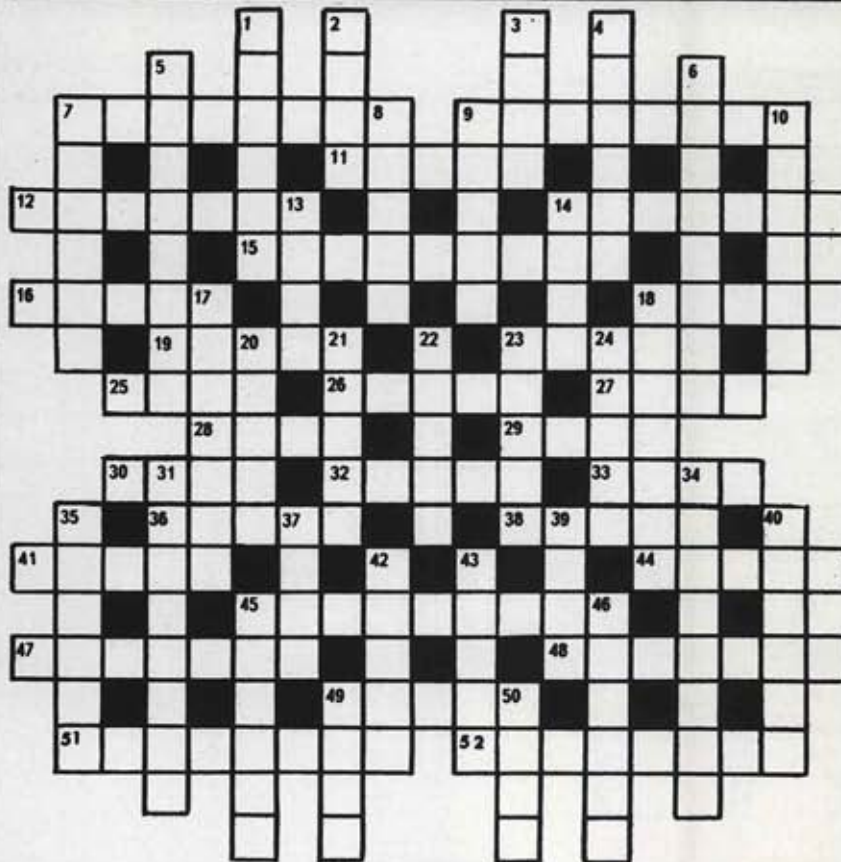

В гостях у «Музыкального клуба» композитор Игорь Николаев.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил А. Сорока. Полтава

По горизонтали:

7. Наука о взаимоотношениях в живом мире, название которой предложил в 1866 году Э. Геккель. 9. Спортивное сооружение, где родилось мастерство М. Старостина, В. Серебрякова, С. Часовских. 11. Мексиканский огурец, известный еще ацтекам. 12. Человек, отличающийся сильными чувствами, быстротой действий, энергичной мимикой. 14. Газета французских коммунистов. 15. Предмет — место действия в известной сказке В. Одоевского. 16. Домашнее животное, которое К. Тимирязев любил за независимость характера. 18. Вид древнекитайского спектакля. 19. Плато в Китае, наполовину засыпанное песками. 23. Название речного порога в Сибири. 25. Среднеазиатское переносное жилье. 26. Зимой скрываюсь, весной появляюсь, летом веселюсь, зимой спать ложусь (загадка). 27. Кичка, цилиндр, чалма (общее название).

По вертикали:

1. Новый сторонник идеи, учения. 2. Житель города, где родился композитор В. Шебалин. 3. Полоскун, ракоед (общее название). 4. «Одежда» для патронов. 5. Ткань, купленная на шинель героем повести Н. Гоголя. 6. Немецкий писатель-романтик. 7. Морской измерительный прибор. 8. Город на севере Иордании. 9. Жанр вокальной музыки, возникший в средневековой Франции. 10. Английский футболист, возведенный в звание лорда. 13. Самый знаменитый из революционеров-подпольщиков (настоящая фамилия — Тер-Петросян). 14. Американское растение с мясистыми, колючими на вершине листьями. 17. Любимый овощ Петра Первого. 18. Место засады полка, решившего исход Куликовской битвы. 20. Конечный пункт популярного международного ралли, стартующего в Париже. 21. Чувство, неведомое Зигфриду, герою опер Р. Вагнера. 22. Единственный ге-

рой мировой литературы, к которому молодость пришла после старости. 23. Город в Лаосе на реке Мун. 24. Советский врач, главный хирург украинских партизан. 31. Деятельность Д. Бедного на фронте. 34. Обувь А. Пушкина во время учебы в лицее. 35. Металл, окислы которого придают Марсу ржавый оттенок. 37. Композитор, чью оперу слушал Печорин в романе М. Лермонтова «Княгиня Лиговская». 39. Русский физик, открывший обратимость электрических машин. 40. Самая популярная в Финляндии морская рыба. 42. Средство, которым Грязной хотел приворожить Марфу в опере Н. Римского-Корсакова «Царская невеста». 43. Южный лекарственный полукустарник с голубыми цветами. 45. Пальма, самое длинное в мире растение; растянутое, оно оказалось бы выше Эйфелевой башни. 46. Высокогорный штат Индии. 49. Эмблема музыкального искусства. 50. Противник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

9. Бирюза. 10. Реверс. 11. ...лакомка... 12. «Жизель». 13. Гиджак. 14. Касатка. 17. Парадокс. 20. Ронгалит. 23. ...волан... 25. Осанка. 26. Дерево. 27. Морзе. 28. Ятница. 29. Носарь. 30. Рокас. 33. ...золотник... 37. Затмение. 41. Антанта. 42. Флобер. 43. Власов. 44. Выговор. 45. ...хватка. 46. Италия.

По вертикали:

1. Чилига. 2. Кювета. 3. Валько. 4. Инкассо. 5. Деметра. 6. Ураган. 7. Шведка. 8. «Эрнани». 15. Аквамарин. 16. Конденсат. 18. Расстил. 19. Дантист. 21. Герасим. 22. Лавран. 24. Лирик. 31. Октагон. 32. Азнавур. 34. Облава. 35. Орбита. 36. Нарвал. 38. Таврия. 39. Ералаш. 40. Ирония.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1443)

июль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ (заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник Виталий ФЕДОРОВ

Художник Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор Диана МАЗУР

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы: 212-21-59 — рабочей молодежи и науки, 250-29-39 — коммунистического воспитания, 251-32-84 — фотоочерка, 212-21-38 — военно-спортивный, 212-13-19 — международной жизни, 251-04-10 — литературы и искусства, 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство «Правда» Смена, 1987 г.

Сдано в набор 20.05.87. Подписано к печати 02.06.87. А 03435. Формат 70 x 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60 Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7 Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 1781. Заказ № 715. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Напомним вам, уважаемые читатели, что публикации рубрики «Спортивный автограф» готовятся по вашим письмам. Сегодня наш гость — лучший футболист Европы по итогам прошлого сезона Игорь Беланов, о встрече с которым просили В. Митрохин (Горький), С. Бабеева (Ашхабад), И. Луконенко (д. Юрасовка Ворошиловградской обл.) и еще 247 читателей.

Освободившись, словно играючи, от двух маститых бельгийских защитников недалеко от штрафной, он вдруг махнул «выстрелил» в дальнюю от опешившего вратаря Платифера верхний угол. Стадион в своем неистовстве походил на проснувшийся вулкан: вот он, почерк мастера, и какого мастера!

А мастера этого, между прочим, упорно не принимали в свои ряды в детские команды, квалифицированные тренеры стараясь заслонить на отступлении у него спортивного характера, и уж вовсе не смотрели в его сторону руководители сборной страны: нестабильный, обидчивый, замкнутый — типичный «игрок настроения».

Но сам он в любом настроении добрым словом вспоминал людей, с которыми сыгала его тернистая и счастливая спортивная судьба. Кумир одесских болельщиков Эдуарда Масловского, первый разглядевшего в щупленьком 12-летнем парнишке задатки «грозы вратарей», Никиту Симонию, который в пору работы

в одесском «Черноморце» немало времени потратил на индивидуальные занятия и беседы с Игорем не только лишь на футбольные темы, Валерио Лосиновского, предложившего попробовать свои силы в киевском «Динамо» игроку с репутацией неуязвимого строптивца.

Футбол для Беланова — это неустанное стремление добиваться уважения соперников, доверия тренеров, признания зрителей. Затянувшаяся пребывания на вторых ролях больно било по самолюбию Игоря.

Не просто давалось и преодоление собственных недостатков — играл в том же «Черноморце», мог он, не получив точного своевременного паса, остановиться обидеться, начать выказывать своим видом недоброжелательство партнерам, вызывая, в свою очередь, негодующие реплики и свист трибун. Да и столкнувшись на поле с защитником «костяком», лорон терялся, опускал руки.

И лишь с позапрошлого сезона увидели мы на поле другого Беланова.

К прежней легкости и стремительности добавились азарт, неуступчивость, жажда борьбы. Добавился характер.

Соперники же с таким Белановым до мексиканского чемпионата мира знакомы, по существу, не были — в составе сборной СССР накануне первенства Игорь провел лишь один единственный матч. Тем неожиданнее был тот фурор, который произвел на южноамериканских полях 26-летний студент Киевского государственного института филокультуры. Выдающийся в прошлом португальский форвард Эсебио сказал тогда, оценивая игру советского нападающего:

— Если бы представилась возможность, я с удовольствием составил бы ему компанию на поле.

Тем, в Мексике, Эсебио еще не знал, что окажется-таки в одной компании с Белановым: по окончании сезона-88 «железнодорожник» Франко футбол — назовет нашего футболиста лучшим в Европе, он станет обладателем «Золотого мяча» — приза, которым владели Мэтьюз, Де Стефано, Яшин, Эсебио.

И надо же такому случиться — как раз в день торжественного награждения лучшего из континента игрок не забил пенальти! И снова гудел огромный стадион — на сей раз в недоумении. А раздосадованный и смущенный Беланов очень переживал неудачу. Но что подумалось — раз и навсегда успеха добиться невозможно. Доказывать свои претензии на лидерство надо всякий раз заново. Судьи все те же: соперники, тренеры, зрители. И убедить их можно только игрой.

Александр ЛЬВОВ

ИГОРЬ БЕЛАНОВ

В футболе и в жизни главное - выжить! Беланов

фото Юрия Савинова

Цена номера 35 коп. Индекс 70870